

Светлана Коппел-Ковтун

ЭССЕ, СТИХИ, АФОРИЗМЫ

ЧЕЛОВЕКИ

Светлана Коппел-Ковтун

ЧЕЛОВЕКИ

ЭССЕ, СТИХИ, АФОРИЗМЫ

Новокузнецк
Издательство «Союз писателей»
2019

Коппел-Ковтун С. А.

Человеки / Светлана Анатольевна Коппел-Ковтун.

ISBN: 978-5-00143-246-3

В книгу вошли эссе, афоризмы и стихи последних лет, соединённые общей темой, которая обозначена названием. Одноименное стихотворение в прозе, давшее название книге, написано давно и является знаковым для автора, как и некоторые другие стихотворения данного сборника, например «Большое сердце», «Я видела бога забившимся в угол...», «Твоё сегодня» и др.

«Человек становится человеком только в контексте вечности», — считает Светлана Коппел-Ковтун. «Человек похож на скворечник — он обретает свой подлинный смысл, лишь когда в нём поселится птица», — говорит она и предлагает прислушаться к песне человеческого сердца.

Коппел-Ковтун Светлана Анатольевна — поэт, эссеист, публицист, учредитель и руководитель Международного клуба православных литераторов «Омилия». Награждена орденом «1020-летия Крещения Руси» «за усердные труды во славу святой Церкви».

© Коппел-Ковтун С.А., 2019

© Ковтун А.Г., Коппел-Ковтун С.А., дизайн, вёрстка, 2019

На обложке использованы работы художников Иеронима Босха и Сергея Кулины.

«Светлана Коппел-Ковтун: Точка стояния — вечность» Интервью с автором

«Написание стихов — это способ дышать для поэта. Буквально, а не образно. Поэзия — это дыхание божественного в нас, единственно живого в нас, которое дышит Богом». «Бог учит нас смотреть на мир поэтически — т. е. любовью. И по-настоящему вещи, человека, Бога видят только такие — глядящие глазами поэзии — люди». «Каждое слово поэта — целое. Целые слова и есть неподъёмные, слова в Боге, слова из Бога в Бога текущие — слова вмещающие целое. В этом смысле поэзия говорит только неподъёмными словами. Неподъёмными, но поднимающими». Приведённые выше слова — фрагменты дневников поэта и эссеиста Светланы Анатольевны Коппел-Ковтун, беседа с которой предлагается вниманию читателей.

— К вам просто сами стихи приходят? Они очень интересные, с удовольствием читаю, но хотелось бы лучше понять. Могли бы объяснить, например, одно из последних — про вечность?

— Да, стихи приходят. Стихи — это, прежде всего, состояние. Оно записано в словах, но слова — это самое подходящее из неподходящего для выражения переживаемого. Другая реальность стучится в душу — это другой бытийный этаж, потому что объяснять стихи бесполезно. Ложное восприятие гарантировано. Кажимость понимания хуже непонимания. По своему опыту скажу: в стихах актуальнее «верю или не верю», а не «понимаю или не понимаю», и если верю, просто съедаю, а съеденное приносит позже плоды. Ничто так не питает сердце, как поэзия.

— Да, это удивительно.

— Всё наше умное — малая доля, слишком малая. Главное неуловимо, но уловлено стихами. Не всеми, конечно — настоящими.

У меня есть хорошее определение поэзии: поэзия — это не зарифмованное, а целое.

— А вы всегда писали или это пришло в какой-то момент?

— Всегда, с детства.

— Вы как-то связаны с церковью? У вас так много о Боге...

— Я люблю Христа — это главное. Он — моя Поэзия. Когда начала изучать богословие, перестала писать стихи. Не писала лет 15...

— **Хмм, интересно как...**

— И только влюбившись в Человека (человека с большой буквы), снова начала. Богословие — высшая поэзия. Но потом открылись другие горизонты...

— **То есть, наука помешала принимать творческие потоки?**

— Нет, не помешала, а оказалась выше. Но позже открылось то, что выше всего умного. И это потрясло.

— **Что это?**

— Поэтическое измерение, когда оно вполне раскрылось, я поняла, что это оно и есть — давно искомое. И я иначе, по-другому, даже богословие увидела.

— **Ничего себе.**

— Извне и изнутри — большая разница, поэзия смотрит на вещи изнутри.

— **В ваших словах очень много загадок. Начинаешь размышлять...**

— Потому, что я говорю немножко из другого мира.

— **Да, это заметно. Здорово так!**

— Это не совсем другой мир, скорее — другое измерение. Но настолько другое, что мир становится иным, и человек в нём — другой.

— **Меняется восприятие всего? Вы видели чудеса?**

— Это больше, чем восприятие. Объяснить можно вот как — не очень корректно, зато смысл станет понятен.

Если живого котенка разобрать на запчасти, он останется жив? Нет, только игрушку можно разобрать и собрать без вреда. Теперь представьте, что вы живой,

отчасти разобранный кот, которого потом собрали и сделали целым. Восприятие кота каково: до и после? Разумеется, такой котёнок видит чудеса, ведь жизнь — это чудо, чудесам нет конца.

— **Интересно, мне не так давно приходила именно такая ассоциация: что меня разобрали и собрали потом. Значит, котенок выжил, но стал уже новым существом, в новом качестве...**

— Да, мы такие котята — все мы, только не все собраны пока. В этом смысл Бога — мы в Нём собираемся.

— **Даа... Надо работать над собой, собираться поактивнее...**

— Бесплезно работать. Оно само, а пока работаешь — просто готовишь возможности для...

— **Да?**

— Да, главное — само происходит.

— **Что-то вроде «довериться течению»...**

— Не совсем, довериться течению можно после оживления. Это само происходит только с работающим, с уже живым.

— **Что вы имеете в виду под оживлением?**

— Котенка.

— **Ааа...**

— Он ведь тоже не сам живым/целым становится — целым его делает Другой.

— **Получается мы всё не сами?**

— А родились сами, по своей воле? И хоронить нас будут другие. Самость — иллюзия, хотя и необходимая: без самости мы не отличим одно от другого.

— Некоторые считают, что душа выбирает воплощение. Вы не согласны?

— Не согласна. Смотрите, даже какие писать стихи поэт не выбирает — это талант, дар, каждый наделён тем или другим. Мы выбираем себя в рамках уже заданного. И можем принять или отвергнуть...

— То есть, есть некий заранее определенный путь, на который повлиять можно или нельзя?

— Конечно — семечко! Семечко выбирает? Человек отличается тем, что в нём много разных семян.

— Принять или отвергнуть, это очень точно мне думается. Тогда почему одним, допустим, дано здоровье, а другим нет? Почему есть неравенство?

— Это всё хотелки, об этом и говорить в нашем контексте нет смысла. Посюстороннее, проходящее... Неравенство есть потому, что есть жадность: одни хапают с избытком, в итоге другим не хватает самого элементарного. Это банально и понятно. Кто в этом живёт, тому стихи не помогут. Принять другого как бога — вот что надо.

— Я имею в виду разные души проходят разный путь. Программа изначально разная.

— Нет, вы же человек, и я человек — нет разной программы, у курицы — другая, да. Разница не в программе, а в личной воле и характере, в том КАК именно я реализую свою программу.

— Принять другого как бога — это потрясающий способ жить правильнее.

— Единственно возможный.

— **Соглашусь.**

— Но в другом надо различать бога, человека и зверя — в нас есть все эти программы, но разные люди выбирают разные доминанты.

— **И что, например, делать, если он ведет себя как зверь? Все равно же надо фокусироваться на хорошем...**

— О, как минимум не стать зверем в ответ. Это непростое дело.

— **Да. А как вы относитесь к другим религиям?**

— Уважаю как поиск, я тоже искала, пока нашла...

— **Православие?**

— Да. Но вернее сказать — Христа. Причём Христа я нашла дважды.

— **Как?**

— Первый раз, когда нашла Православие. Но это был интеллектуальный Христос. Второй раз Он нашёл меня Сам — за это уже спасибо Поэзии.

— **Через поэзию?**

— Мне надо было прийти в православие, чтобы найти Христа, и в поэзию, чтобы Он нашёл меня в православии.

— **Красиво...**

— Поэзия — это всё, что действительно не от мира сего в здешнем, включая православие и богословие, они ведь тоже здешние. В православии есть своя поэзия — богословие, и в богословии своя поэзия — Христос.

— **Я тоже начала писать стихи, недавно. И поняла, что стихи раскрывают внутренний мир. Становишься как будто голым...**

— Слово «искусство» не зря похоже на «искушение». Искусство по сути — всегда попытка (и способ) найти себя подлинного, чтобы видеть подлинное. Но важны маяки, чтобы не потеряться в океане. И довольно сложно выйти из своей голости, до конца это не удаётся никому, но все пытаются...

— **Как?**

— Надо идти в рост. Перерасти надо себя голого. Надо открыть свою глубину — это состояние, противоположное голости, потому что моя глубина глубже меня.

Поэт работает со словом, а слово работает с ним. Поэтические слова — целые слова, они раздвигают рамки сознания сразу во всех возможных направлениях...

— **Получается, каждое слово формирует свою реальность. Вот вы, например, как-будто говорите на другом языке, хотя вроде бы на русском. Стихи заставляют задуматься. Например это, про вечность* : последние 4 строки, о чем вы думали, когда писали? Что будет упавшим и почему простить не сможет? И как вы считаете, «не просить» это правильно?**

— Чтобы понять это стихотворение, надо обладать таким же опытом. Однако оно в себе несёт этот опыт, т.е. его можно принять — сначала отчасти, потом чуть больше, ещё больше... Если просто расскажу, поймёте неверно — это неизбежно. Но если действительно интересно, можно впитать ткань стихотворения, как бы

* См. стихотворение «Если выбрать внутри...» на стр. 197.

скушать его, и оно станет семечком, которое прорастет. Всё искусство таково, в этом плане очень силён Рильке — сплошные семена роста.

— Ну, а если в целом, об этом стихотворении... Мне видится два варианта. Один — это когда ты с позиции вечности и не прося ничего наблюдаешь. Другой — когда ты просишь и участвуешь в большей степени. Ни то, ни другое нельзя назвать плохим. В первом случае получается, что многое теряет значимость, во втором — динамика.

— Всё это о другом, стихи не про это — совсем.

— А про что?

— Отвечу, заходя издалека. Стихи вообще расширяют горизонты сознания. Представьте двухмерный мир, а в нём трёхмерный или даже шестимерный объект — его двухмерное описание соврёт ведь?

— Ну, да...

— Со стихами примерно то же самое. Нет смысла впихивать невпихуемое — сначала надо расширить границы восприятия.

— Тогда само впихнется?

— Ещё пример: свидание с великаном. Его пригласили в гости, но комната для свиданий размером с его мизинец — как ему прийти? Он и рад бы, но...

— Хороший пример.

— Стихи, настоящие если — это великаны. Стихи — это ЦЕЛЫЕ слова, а целое не вмещается в часть. Только целое вмещает другое целое...

— А границы расширяются сами?

— Если кушать целое, да. Есть ещё один пример.

Хороший. Познание устроено таким образом, что надо прежде съесть целое яблоко, чтобы иметь возможность кушать его по кусочку.

Это всё мои афоризмы, и они работают — правда?

— **Да, работают. С яблоком посложнее, но смысл ясен.**

— Вот так и всё работает.

— **Сразу в голове что-то происходит.**

— Да, границы едут. На этих примерах вы можете физически ощутить, заметить как происходит расширение смыслов — сознание становится шире, приобретает объём. Поэзия занимается тем же, но более тонко. Каждое слово — целое, то есть, оно несёт в себе сразу все возможные смыслы, каждый из них, скорее всего, включен, и все их надо прочесть сразу, чтобы понять.

— **Многозначность...**

— В обыденной жизни всё не так, там вы привязаны к определенным смысловым направлениям и по ним движетесь. В поэзии надо идти сразу по всем дорогам.

— **Непросто оторваться от обыденных дорог. Представить и открыться тому, что раньше не воспринималось.**

— Дело вкуса. Кого-то, наоборот, привязать к ним непросто.

— **Да, кстати...**

— Вот это уже о предназначении: кому что дано, кого куда зовёт. Мы ведь служим друг другу своими талантами. Кому-то надо стать поэтом вполне, а кому-то другое надо, но он может читать поэтов и «снимать сливки» с того, за что те платят жизнью. Если полюбит

поэзию. Любовь помогает усваивать чужое. И понимать, конечно.

— **А что такое настоящая любовь по-вашему? Как она проявляется? К мужу допустим...**

— Она бывает только у целостных личностей, встреча двух целых — это поэзия или любовь. Любовь и поэзия суть одно.

— **Светлана, спасибо вам огромное за такую интересную беседу.**

— И вам спасибо.

*Беседу вела Екатерина Демина
3 ноября 2019*

«Ворованный воздух»

Эссе

Я и не Я, или Душа – не мера, а избыток

Человек поразительно не равен сам себе. И намешано в нём всякого разного с избытком, и сам этот избыток какой-то странный, непонятный, даже, кажется порой, ненужный — лишний... Всё ему чего-то недостаёт, что-то нужно и, как правило, то, чего нет и быть не может — разве только в грёзах... То счастья ему захочется, то любви... И что нормальному прагматику со всем этим делать — в наше-то время?..

Помнится, у Ю. Мориц было точное, но всё равно непонятное, ибо поэтическое, высказывание: «Душа — не мера, а избыток»...

Захочет нормальный человек в этом разобраться, пойдёт, например, к психоаналитику, а там ему скажут: главный объект, который изучают психоаналитики, называется «это не то». Опять неясность... А что же тогда «то», где его искать? Культовый Лакан¹ добавит масла в огонь сногшибательным: любовь – это «давать тому, кто этого не просил, то, чего у нас нет»...

1. Жак Лакан (1901–1981) — французский психоаналитик, философ (фрейдист, структуралист, постструктуралист) и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

*Мы – только под прямым углом,
Наперекор один другому,
Как будто не привыкли к дому
И в разных плоскостях живем,
Друг друга потеряли в давке
И порознь вышли с двух сторон,
И бережно несем, как сон,
Оконное стекло из лавки.
Мы отражаем всё и вся
И понимаем с полуслова,
Но только не один другого,
Жизнь, как стекло, в руках неся.
(А. Тарковский)*

* * *

Человек — это вообще: он — человек, ты — человек, я — человек. А что же такое Я? Я как индивид и я как личность — это разные Я. Индивидуальное Я — это ракурс и количество человечности вообще, это фрагментик Мы, часть от целого. В отличие от личностного Я, которое — целое. Целый человек — это не индивид, как многие сегодня считают, а личность.

Личность — это целостность, способная вмещать другие целостности, т.е. способная по-настоящему любить. Хочешь научиться любить? Впусти в себя Другого, впусти целым, не ущербным — и сам станешь целым в процессе дарения себя ему. Или Ему. Это один и тот же процесс, потому и сказано: кто говорит, что любит Бога, а ближнего ненавидит, тот — лжец.

Люди привыкли к многочисленным словам о любви,

им кажется, что они понимают о чём речь, хотя даже если понимают, то — психологически, душевно, а не духовно, а значит по-своему, индивидуально и не совсем точно.

Коротко говоря, личное Я — это то, что над природой человека, и, в некотором смысле, выходит за рамки человека² — «избыток». Личное Я — это наше Я в Боге и для Бога. Именно оно является нашим Я, предназначенным для любви и общения друг с другом в Боге.

Как же оно обретается? Разумеется, посредством делания, а не просто умствования. Человека как природу можно представить в виде некой горизонтальной сети, связывающей между собой всевозможные объёмные целостности — своего рода атомы человечности. От природы у нас множество различных наборов того или иного функционального предназначения: телесного и душевного. В силу того, что душевность наша обращена не к духу, а к телу, её можно считать своего рода тонкой телесностью, т.е. психика — это во многом телесность со своей механикой.

Человек — это набор биологических механизмов, которые действуют сами по себе. Это важно помнить, рассуждая о своей индивидуальности, которая в рамках природы тоже — лишь сложно устроенный механизм, который сегодня бесчеловечно эксплуатируется всякого рода психотехнологиями в корыстных целях.

Человек сегодня в цепях, и если он это недостаточно

2. Личность надприродна, она владеет природой. Смешение личности и природы В. Лосский называл самостью.

хорошо чувствует и понимает, то лишь потому, что несвободен, т.е. его чувства также несвободны, как и он сам — здраво оценить своё положение и состояние он не в силах. Даже знакомое всем «по плодам узнаете» для современного человека едва ли доступно: он не понимает, что видит.

Что такое жизнь в прелестном состоянии? Самое простое, обыденное измерение её в том, что человек, живущий не в реальности, а в мыльном пузыре своего представления о ней, держится за свой мыльный пузырь, как утопающий за соломинку. Трезвомыслие такому человеку не по силам, ибо весь свой мир он нарисовал на мыльном пузыре и полностью связан с этим мыльным пузырьём, без которого он просто упадёт, исчезнет... Мыльный пузырь заменяет такому человеку всё, он его бог, его хранитель, его смысл и цель. И при этом — мыльный пузырь: хлоп, и нет его... Величайшее несчастье для человека быть замкнутым на лесь о мире и себе, именуемую нами прелестью. Из такого состояния никакое действительно благое дело невозможно по причине изоляции прелестника от других («где двое или трое во имя Моё» — неосуществимо).

Христос предлагает человеку свободу от этого рабства и называет себя Путём из него. Метод — исполнение заповедей, которые сведены к двуединой заповеди о любви к Богу и ближнему. Но сами заповеди — не путь, они лишь способ познать свою неспособность быть любящим, чтобы обратиться к Тому, кто может одарить нас любовью.

Эта потрясающая по красоте мистерия взаимоотношений Бога и человека может быть отображена в простом и наглядном образе, обнажающем тайну личности. Представьте себе Человека как сеть взаимоотношений, лежащую на плоскости планеты Земля. Это горизонтальное, природное, измерение человека. Индивид — это некий сектор на этом шаре, некий, может быть, остров, город, страна или даже просто камушек, камень на чьей-то дороге... Но вот он встретил бедного человека, которого пожалел и хочет одарить любовью. Не своей маленькой, эгоистичной — чтобы похвалить себя за хорошенькую, а настоящей — чистой, в нём жива жажда такой любви. (Откуда эта жажда?) Если жажда не сымитирована, а реальна — она становится запросом к Небу, зовом к Богу (наш зов всегда ответ на Его Зов) — вопрошающим Лучом в небеса. Когда оба зова встречаются, происходит вспышка, встреча, искра любви, которая может длиться вечно. Чем чаще я оказываюсь в этом Луче, тем устойчивее и само соединение, и моё состояние, в котором я действительно живу, в котором я — настоящий. Вечность и есть пребывание в этой длящейся искре Божественной любви. Личность рождается только во время этой встречи — в Луче. И, может быть, она и существует только в это время — в акте дарения себя Другому и другому, иное — сны.

Чем чаще человек практикует такую двуединую любовь, тем чаще с ним случается чудо Личности. Личность — дар Бога, даруемый нам, когда мы встречаемся во имя Бога друг с другом — в Боге. Личность — это я в Боге. С утратой этого состояния я опять оказываюсь

просто индивидом — ущербным, нецелым, жаждущим (всегда жаждущим — снова и снова) стать целым. Эта жажда подлинного бытия, т. е. пребывания в свободе, вне пленения сетью, зовёт и гонит навстречу другому — чтобы быть (а не казаться).

«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мтф. 18:20). Истина открывается при взаимодействии людей. И дело не в советах, а в Присутствии. Когда два человека присутствуют в Присутствии, происходит чудо Встречи. Присутствовать в Присутствии можно только для другого, это и есть любовь. Любить — это присутствовать в Присутствии (для другого). Я становлюсь Присутствием в Присутствии Другого (Бога и человека). Жизнь — в Присутствии.

Созерцание — это пребывание в Луче, связующем меня с Богом и ближним.

* * *

Исходя из вышесказанного, настоящий миссионер — это возжигающий искру, т.е. тот, кто на деле приобщает своего другого к Богу. Если этот другой хочет, разумеется. Без его личного участия общая с ним искра не загорится. Миссионер — это как бы приглашающий стать третьим в треугольнике Я — Бог — Другой. Или Бог — Я — Другой. Или Другой — Бог — Я. Какая последовательность правильнее? Не знаю, возможно, последняя...

* * *

На личностном уровне можно общаться на равных с любым человеком, из какой бы социальной или религиозной группы он ни был — только была бы в нём

развита та самая личность. Проблемы могут начаться и чаще всего начинаются, когда личность одного недостаточно развита и потому начинает силой тащить другого в свою общность — веру, секту (религиозную или просто мировоззренческую, политическую, научную — неважно). Таким образом она по сути тащит другого на свою территорию, осуществляя захват — недопустимое хамство для личности. Не нарушая личностную свободу другого, поспориться невозможно. Ссора — это плод бандитизма и контрабанды в отношениях.

Личность — это свобода, отсутствие личности — всегда рабство, хамство и стремление поработить другого.

Миссия — это не агрессия, т.е. когда православный (как и всякий другой) миссионер проповедует, он обязан следить за собой, чтобы не становиться агрессором по отношению к личности другого. Правда, есть проблема, как бы не решаемая в рамках этой модели — бессознательность большинства людей (жизнь без личности). Многие наши церковные перекосы, вероятно, возникли из-за неправильного подхода к этой проблеме — гонка не за качеством, а за количеством. С политической точки зрения гонка за количеством понятна, с идеологической — тоже понятна. Компромисс икономии³ всегда не в пользу качества...

3. Икономия (от греч. οἰκονομία — устройство дома, дел) — в христианстве принцип богословия и решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства. Противоположностью икономии является акривия (греч. ἀκρίβεια — «точный смысл, строгая точность, тщательность»).

* * *

Наверное самая тонкая, первичная форма насилия — ложный взгляд на другого, ведь мы своим взглядом помещаем другого в некую «матрицу», где роли как бы заранее прописаны. Ложное понимание, ложная трактовка другого, которую мы ему предлагаем в общении — это уже насилие над ним.

Неложный взгляд — это, конечно, любящий взгляд, т.е. единственная возможность не насильничать — видеть в другом Христа и вести себя соответственно.

* * *

Здравомыслие — это совесть, а не интеллект. Движение к здравомыслию — это путь очищения совести. Интеллект — штука непростая, не всем дано быть интеллектуалом. В отличие от совести, ибо совесть — феномен природный, её нет только у тех индивидов, кто перестал её слушать. Тот же, кто внимателен к этому внутреннему советчику, растит свою совесть, как древо жизни, и оно обильно в нём плодоносит.

* * *

Христианство — это свобода. А почему не любовь? Потому что любовь — это уже второй шаг, после свободы? Нет, потому что любовь — это Христос, а не христианство.

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Галатам 5:13).

Служить друг другу, не угождая плоти, можно только во Христе, служа Христу в ближнем равно как и в себе. Христос в ближнем и во мне — это один Христос.

* * *

Социальная личность появляется как точка на пересечении множества линий — всевозможных связей и отношений с другими людьми. Это поверхностная (внешняя) сторона личности, которая состоит из множественных повторений того, что когда-то делали, делают и будут делать другие. Это своеобразные механизмы, которые свойственны человеку вообще, и мне как индивиду — отчасти. Это та часть меня, которая, пожалуй, не имеет права говорить от первого лица — она не живёт, а функционирует. Это не совсем я...

*Мы все похожи
чем-то
на кого-то...
И на себя похожи —
чутьочку
совсем⁴.*

С другими людьми можно общаться как на уровне социальной личности, которая по сути фикция⁵ — как и сама точка на пересечении линий (её ведь на самом деле нет — она лишь кажется), так и на уровне глубинного духовного Я, которое рождается в акте любви, в акте дарения себя другому. «Если не слышишь чужие

4. Стихи автора, 2011

5. Именно об этой внешней стороне личности сегодня говорят как об иллюзии личности, низводя человека до набора автоматизмов (алгоритмов). Но возможна ведь и другая личность — настоящая, глубинная, бытие которой намереваются отвергнуть и запретить.

стоны, не помогут ни посты, ни поклоны» (Архим. Кирилл (Павлов). Подлинное Я — это действующее в Боге Я.

Человек похож на скворечник — он обретает свой подлинный смысл, лишь когда в нём поселится небесная птица. И её нужно кормить небесной пищей, при этом кормить своих птичек можно, только кормя чужих...

6 января 2019

Человек как ландшафт, по которому течёт Мысль

1

Мысль, как вода, течёт кратчайшим путём. Однако этот кратчайший путь зависит от местности, на которой приходится течь, т.е. иногда это стремительное и быстрое движение — что-то вроде водопада, иногда медленное и витиеватое. Но это всегда кратчайший путь.

Именно это свойство мысли течь кратчайшим путём формирует стиль автора, т.к. слова выстраиваются в согласии с потоком. Лишние слова — преграды на пути реки или ручейка мышления.

2

Человек может быть рассмотрен как ландшафт, по которому течёт его/не его мысль. И это поразительное «его/не его» не понято до сих пор.

* * *

Ландшафт или река? И то, и другое. Гений — больше река, талант — больше ландшафт. Где больше сосредоточено Я? Смотря какое Я. Наше Я — не ландшафт (тут всё — другие люди и обстоятельства) и не река (это Бог и божественное в нас), а русло, которое проложено рекой по данному ландшафту.

Может ли человек изменять ландшафт по своему хотению? Да, может: если скажет горе передвинуться — ради приближения реки, та передвинется¹. Может ли человек менять реку? Нет, реку он только принимает. Единственный способ повлиять на течение реки — изменение ландшафта.

Можно ли так изменить ландшафт, что реки не станут — не сможет по нему течь, а уйдёт на большую глубину? Вероятно, можно — не знаю. Не исключаю такой возможности, и тогда, быть может, грядущий кризис с нехваткой питьевой воды — лишь олицетворение духовного кризиса, в который мы погружаемся.

3

Мышление на самом деле одно (в человеческом понимании — ничьё), и ты либо приобщаешься к нему, либо нет. Мышление ничьё, а то, что чьё-то — не

1 «Сделайте прямыми пути Господу».

мышление. Мышление принадлежит Богу: оно у Бога, к Богу и, вероятно, Бог в нас — Бог-Слово.

Авторство указывает на того, кому мышление открылось, демонстрируя путь мысли и причину явления её в мире людей. Потому заявленная философами «смерть автора» одновременно и правда, и ложь. Автор — принимает мысль, его личность важна, потому что без неё мысль, возможно, не пришла бы или пришла бы в другом виде — другому автору. Личность оставляет свои следы на мышлении, как мышление — на личности.

4

Чтобы начать говорить, надо перестать болтать. Но как только соберёшься говорить, непременно начнёшь болтать. Говорение — это молчание, и оно у каждого своё. Молчание — своё, а не говорение...

Постчеловек будет всецело погружен в болтовню, прикован к болтовне и лишён Песни сердца (молчания).

5

Мысль следует отличать от повторения чужих мыслей и от болтовни («бла-бла-бла»). Мысль есть то, что поют в сердце² (мышление), и только из личного опыта молчания её можно спеть. А болтать можно о чём угодно, не имея опыта.

² Есть мысли, и есть Мысль. Мысль есть то, что поют в сердце, а вовсе не то, что думают в голове.

Дискретность мысль обретает посредством слов — так она усваивается (присваивается — по частям) человеческим умом, но сама она — целостна, непрерывна, как поэзия (всё и сразу).

«Всё нерасказанное — непрерывно», — свидетельствует Цветаева. «Мышление обще у всех», — утверждает Гераклит.

* * *

Совесть целостна, как нерасказанная мысль. Совесть и есть — целая мысль? Мышление мыслит тем же, чем совесть знает истину? Настоящее мышление осуществляется совестью (потому бескорыстность так важна для чистоты мышления).

Выходит, что совесть и мышление — две грани чего-то одного. Чего?

* * *

Мышление — это приобщение к Одной Большой Мысли сразу обо всём (созерцание³). Это то Слово, которое было у Бога (к Богу), и без которого ничто не существовало бы? Вероятно, да.

Мы выхватываем своим вопрошанием фрагмент Целой Мысли, отвечающий на наше вопрошание. Это единственный способ получить ответ — рождение вопроса в личном опыте переживания бытия. Мы получаем бытие для своих конкретных бытийных нужд.

* * *

Родивший мысль знает Слово. Мысль рождается в Слове и Словом при участии человека, который

3 Вне созерцания мышления нет, есть только автоматизмы.

выступает в роли вопрошающего. Рождение мысли всегда — событие, совместное бытие Слова и человека.

* * *

Любое высказывание хранит в себе пути, по которым пришло — их можно видеть и проследить откуда пришла мысль, с какой позиции. Где стоит автор слов, в каком положении, в каком состоянии, как смотрит на предмет, о котором говорит, почему именно так смотрит. Когда человек говорит, про него можно многое сказать — вопрос в том, кто смотрит, где стоит смотрящий, в том числе смотрящий на смотрящего.

Бред сумасшедшего путей не имеет — он оторван от путей. Пустая болтовня вне путей — это то, что сегодня занимает место говорения, пытаюсь вытеснить последнее из жизни человека. Вытеснить как Песнь сердца, творящую человека.

* * *

Чтобы видеть настоящее, надо смотреть чисто, некорыстно, несамостно. Самость всё перевирает под себя — самоутверждается за счёт этой лжи.

6

У человека молчание — своё, а не говорение.

Разница между авторами — в принимающем молчании, а всё, что подлинно в говорении — от Бога, а не от человека.

Говорение-молчание — это своё слово, в которое надо включиться, к которому надо приблизиться, как Слову Бога. Остальное в говорении (не своё) — это некое общее место, некое ничьё. Своё включается мол-

чанием ничейного безличного — никак не относящегося к личному Богу.

Молчание — это наше вопрошание, наш вопрос к Богу, и на этот конкретный вопрос Он отвечает. В ответ на вопрошание молчанием Он говорит в нас, а не нам. Нам Он говорит в ответ на наше говорение.

Молчание — это полнота Слова (всех слов), как белый свет — полнота Цвета-Света (всех цветов).

* * *

Песня — это молчание, молчание здешнего, постороннего.

Мысль поёт нас, а мы поём её.

Дневники

Мурмурация, «вывих» мира, живые обрубки осьминога и нанотехнологии

Про «вывих» мира говорил ещё Гамлет. Через личную трагедию он обнаружил зло мира, которое видится неуничтожимым. Идеал и реальность человеческой жизни слишком сильно расходятся. «Человек не радуется мне», — констатирует Гамлет, которым движет не кровная месть, а широкое желание «вправить этот вывих». Подобное стремление, наверное, есть у каждого из нас, но всё время чего-то недостаёт для его реализации —

быть может, решимости. Мы часто опускаем руки и сдаёмся даже без боя — мол, мир не исправить. Мы не утруждаемся гамлетовским вопросом сражаться или нет за исцеление мира, потому что желание «вправить вывих», именуемый злом, нам кажется безумным, лишённым смысла. Мы считаем себя достаточно умными, чтобы не сражаться с «ветряными мельницами». Но, может быть, мы просто не там ищем решение, не тем оружием сражаемся (или не сражаемся).

Мурмурация – это Песня (Танец) Целого

Человек — это больше, чем индивид. Человек — это индивид, ставший личностью и обретший свою целостность. И, пожалуй, само понимание того, как «вправить этот вывих» доступно только целому человеку, способному вместить в целости и проблему, и её решение.

Чтобы хорошенько понять, что такое целостность, обратим свой взор на пернатых братьев меньших — скворцов, известных своими потрясающими стайными танцами. Этот феномен именуют мурлыкающим словом «мурмурация». Когда впервые видишь такое, останавливается дыхание — от удивления и восхищения.

Как-будто живой песок движется по светящемуся экрану неба, создавая причудливые, быстро сменяющиеся одна другую фигуры или даже узнаваемые образы: огромная птица, лицо человека, кит, шар... Роль песчинок исполняют отдельные пташки, которые в стае являют собой не индивида, а часть целого, послушно подчиняющуюся внутренним сигналам стаи.

Учёные до сих пор не могут объяснить это явление, но верующее сердце по личному опыту узнает этот Танец Целого (не отдельно взятого скворца, а скворца всеобщего, единого во множестве).

Скорость движения таких танцующих птичьих облаков достигает 40 км в час. Все движения птицами совершаются за сотые доли секунды, при этом скворцы никогда не сталкиваются друг с другом, постоянно сжимаясь и разжимаясь, они удивительным образом не мешают друг другу. Тысячи птиц движутся согласовано, как единый организм, и танцуют в облаке минут по двадцать, поддерживая необходимую плотность, при которой они способны оптимально собирать информацию из своего окружения. Для этого необходимо состояние предельной прозрачности — свет должен пробиваться сквозь стаю к каждой птице, причём под самыми разными углами.

Вспоминается совет кого-то из святых жить так, чтобы не создавать тень для другого... У птиц мурмурация, а у нас — Христос в нас¹.

Многознайство не различает знание предмета от знаний о предмете

Многознайство опасно тем, что не различает знание предмета от знаний о предмете или знание Бога от знаний о Боге.

1. Конечно, надо делать поправку на то, что Христос, Он и для нас, и для птиц — Христом как Богом-Словом Бог творил этот мир. И всё же Он стал человеком — одним из нас. И, в некотором смысле, мы должны относиться к творению аналогичным образом — в этом будет сказываться наше уподобление Христу.

Знание предмета — это общение с предметом, способность слышать песню предмета, а не болтовню людей о предмете, а также умение слышать людей, которые говорят о песне и поют песню Сердца, а не болтают.

Насколько человек постиг себя, настолько способен постигать и мир, и других людей, и Бога. Кто себя познал, тот смиренен и, подобно Сократу, знает, что ничего не знает. Знающий своё незнание, т.е. познакомившийся с ним лично, а не слышавший о нём понаслышке, действительно разворачивается умом в иную сторону — от своего раздробленного полужнания к целостному, которое не во мне, а в Мысли, которая суть Слово Бога-Творца.

Подлинное знание похоже на дружбу с предметом или даже на любовь. Настоящее знание — это благодатная сила, преображающая мир. Ставший другом Богу, становится другом всем вещам мира и слышит их песни у себя в сердце.

Одна Песня

Дружба — это поиск песни сердца другого (петь навстречу), вызывание своей песней песни другого. Это бережное внимание к песне другого.

*Сор — не стихи, хоть те растут из сора:
кто песню ждёт, спешит навстречу песне.
И даже если будет голос сорван,
лететь навстречу песне интересней.*

*А пыль — не быть: юдоль и боль, простуда;
пыль — чад очей, забывших о прекрасном,
хула на жизнь, прельщённый друг иуда...
Уж лучше петь навстречу — пусть напрасно².*

Светящийся шар на картине Чюрлёниса «Дружба» — и есть песня. Её принимают или передают — всё это пение Одной Песни.

Реакция на такую песню может быть самой разной. Поющий отзовется песней, а рычащий — рыком ненависти. Библейская тема «бисера перед свиньями» — это о песне, о пении её не тому, кому следует. Но ведь Христа распяли именно потому, что «пел навстречу» каждому, Иуда — его ученик, а искал он «не песен небесных», а вполне земных благ. Если хорошенько поразмышлять, то становится ясно: под свиньями следует понимать ветхость, страстность ветхости. То есть, свиньи — это страсти.

Однако Евангелие учит сеять на любой почве, а не только на хорошей и готовой. Так что тут есть зазор — для свободного выбора каждого. Совесть говорит, что важно самому не быть ни в чём виноватым перед другим — а это достаточное основание петь навстречу каждому. Но если тебя с твоей песней не принимают, надо не настаивать, а уходить.

Мы должны друг другу Христа, чтобы каждый имел возможность «родить в прекрасном» (см. диалог

2. Стихи автора

Платона «Пир»³). Ответственность за другого, ответственность перед Христом в другом велит петь на встречу каждому, чтобы не оказаться виновным в его нерождении.

Петь сердцем, как поют (танцуют) скворцы во время мурмурации, умеют очень немногие люди. Уважение к чужой песне сердца — критерий человечности. Равнодушие в людях и мертвенная глупость развиваются от равнодушия к песне: и своей, и чужой. Своя песня напрямую связана с песней другого, потому что это в принципе одна песня, только поющая разными голосами. Люди порой свою болтовню ценят выше чужой песни — верный признак того, что и своя песня им мало знакома.

В песне, как в день Пятидесятницы, все границы между голосами-языками становятся условными, слышимость достигается каким-то иным путём — не

3. Диотима — Сократу: «Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, — продолжала она, — обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертье и счастье и оставить о себе память на веки вечные. Беременные же духовно — ведь есть и такие, — пояснила она, — которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы и те из ремесленников, которых можно назвать изобретательными. Самое же важное и прекрасное — это разуметь, как управлять государством и домом, и называется это умение благоразумием и справедливостью. Так вот, кто, храня душевное целомудрие, вынашивает эти лучшие качества смолоду, а возмужав, испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасного, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит» (Платон. «Пир»).

тем, что обычно. Об этом «всезнании» говорится, что душевный о духовном судить не может, но духовный судит обо всём. Правильно судит, потому что не из себя, а из песни. Песня — это молчание...

«Вывих» мира, живые обрубки осьминога и нанотехнологии

Есть два вектора движения — небесный и земной. Воление неба и воление земли не так уж противоречат друг другу, если вспомнить, что Бог творил и то, и другое. Но есть ошибка (грех), несовпадение, нарушение изначального порядка, которое мешает полноте бытия. Этот, говоря словами Гамлета, «вывих» мира — дело воления человека, который совмещает в себе небо и землю. Что надо сделать, чтобы «вправить вывих»? Есть вектор внешнего воздействия и вектор внутреннего воления. Вывих мира (зло) нельзя вправить просто внешним воздействием, иначе бы Бог давно это сделал. Надо выправить направление внутреннего воления земли нашего сердца. Земля в нас должна вспомнить своё первородное воление, совпадающее с волением неба.

Сказанное проще всего понять на примере из жизни и смерти осьминога. Я как-то видела в сети жутковатые кадры: обрубки щупалец осьминога бегают по тарелке, как живые. Такое блюдо подают в Японии. Говорят, что щупальца настолько живы после смерти осьминога, что поедатели их иногда гибнут — одно живое-мёртвое щупальце может легко перекрыть доступ воздуха через горло. Только что убитый и расчленённый осьминог

сохраняет жизнь в своих фрагментах, так как движение щупалец контролируется самими щупальцами — для этого им (в отличие, скажем, от нас), не нужен мозг: больше половины нейронов центральной нервной системы осьминога расположены в конечностях. Но эта жизнь не целостная. Осьминога больше нет, несмотря на то, что его щупальца куда-то бегут — каждый фрагмент сам по себе.

Кстати, на этом примере легко понять и что такое нанотехнологии, если представить наночастички чем-то вроде этих фрагментов осьминога, что бегают сами по себе. Наночастички — это крошечные фрагменты материи, наделённые определенным набором функций, которые вложены в них Творцом ради создания того или иного материала. Скажем, как щупальца могут быть собраны в осьминога. Но, допустим, мы решили собрать не осьминога, а новое, ранее не существовавшее животное — дали фрагментам осьминога иной смысл, иное «представление» о целостности (перепрограммировали), в некотором смысле дали иного бога. Мы приказали фрагментам вещества собраться в что-то нам более нужное, чем привычный осьминог.

На примере живого объекта всё кажется абсурдным, но по этому же принципу работают нанотехнологии и создаются новые уникальные материалы. Причём специалисты говорят, что на уровне нано живое и неживое не различается, имея в виду, вероятно как раз то, о чём мы говорим: наночастички ведут себя примерно так же, как живые обрубки осьминога. Они обладают

встроенной памятью на определённый набор функций, который можно использовать в разных, можно сказать, «нарративах». Они взаимодействуют друг с другом привычным образом, но в совершенно новом «проекте». В итоге они делают то, что им привычно, но в целом получается нечто, чего никогда раньше не было.

Люди в каком-то смысле тоже подобны фрагментам большого распавшегося на части «осьминога», мы так же «ползаем» на «тарелке» мироздания, ничего не помня о своей целостности, которую те же скворцы являют в так называемой мурмурации — танце Целого. Мы должны вспомнить, что полноту мы обретаем только в единстве. Разница между нами и фрагментами осьминога — в масштабе и качестве функционала. Человек — это очень сложно устроенный механизм, но помимо земной, всегда механистичной составляющей (тело или душа — нет разницы), в нас есть небесная (дух) — эта поистине живая часть души, которая включается только в тех людях, которые взыскивают целостности, обретаемой во Христе.

Каждый из нас призван к богообщению напрямую,
но не все равно способны

Природа человека по замыслу Творца предполагает богообщение как норму. «Благословлю Господа, вразумившего меня; даже и ночью учит меня внутренность моя» (Пс. 15:7), — поёт Псалмопевец. Эти слова — красноречивое свидетельство прямого богообщения

(почти как у скворцов). «Моё желание — говорит Он — до самой смерти воспитывало и руководило Меня (Христа), не увлекая Меня ничем земным и располагая к одному божественному» — толкует эти слова Евфимий Зигабен.

Мы до конца так и не поняли, что за дар преподнёс нам Спаситель, а потому много званых да мало избранных. Каждый из нас призван к богообщению напрямую, но не каждый способен: и дары различны, и навыки, и чисто физиологические возможности, и опыт; многим, по словам прп. Серафима Саровского, банально не хватает решимости... Потому необходимо втягивание человека в общий и единый поток. Человеческая река течёт к Богу, в ней почти на равных умеющие и не умеющие напрямую общаться с Богом. Христианин призван усваивать благодать от меры к мере, и по мере накопления её в себе расти и приобщаться. Если же на протяжении всей своей жизни он остаётся скорее внешним, чем внутренним по каким-то негреховным причинам, но является плывущим в общем потоке, он всё равно спасётся — река то течёт к Богу («хоть с краюшку, да в раюшку» — прп. Кукша Одесский). В этом смысл того, что «не напрямую».

Однако взгляните в упоённых танцующих стаей скворцов. Трудно себе представить, каким должен быть подобного рода танец единого человека. Одно мы знаем доподлинно, имя нашего Целого — Христос в нас, а софиологи называют Его именем София (Премудрость Божия).

*Какое счастье быть в Твоих руках —
как в птичьих лапах верная добыча.
Пернатые летают в тех мирах,
где не охотятся — таков обычай.
Охотник здешний, как и рыболов,
бросает в небо пойманный «улов»⁴.*

* * *

*Песня держит,
не отпускает:
я — синица в её руке⁴.*

29 марта 2018

Встречи и не встречи, или Недопустимо приговаривать другого к небытию

Быть может, единственно правильное понимание другого состоит в том, чтобы понять, что мы друг в друге почти ничего не понимаем как следует, что мы грезим наяву. Тогда появится какая-то скромность во взгляде на другого, которая является предпосылкой подлинного понимания. Горделивый, надменный, самоуверенный взгляд — глуп и слеп. Другой человек — тайна, которая может открыться тебе, а может и не

4. Стихи автора

открыться. Даже я сам для себя — тайна. Повсеместное хамство — это утрата ощущения тайны, живущей в человеке.

* * *

Где происходят наши встречи и невстречи: вовне или внутри? Конечно, внутри. Вовне можно только телесно прикоснуться, столкнуться, но сама встреча или невстреча — событие внутреннего мира. Причём для встречи каждый её участник должен в своём внутреннем пространстве найти место для другого — освободить его от себя.

Представим, что некто повстречался с великаном, но выделяет внутри себя так мало места для него, что там может поместиться разве только мизинец великана. Какова будет эта встреча? Во-первых, это всё-таки встреча (а не невстреча), но каково будет представление у этого самого «некто» о встреченном им великане? Ложное, разумеется. Он ведь думает, что видит то, что есть — в голову ему не приходит мысль, что он попросту не дал места для встречи и видит куцый огрызок того, о ком судит как о целом. Согласитесь, разница велика: мизинец или целый великан. Мизинец великана, хоть и имеет к нему отношение, но никак не представляет его таким как он есть на самом деле. Однако наш «некто» приписывает свои заблуждения не себе и своему неполноценному зрению, а другому, на которого ТАК смотрит.

Может быть и другого рода проблема. Представим себе, что некто выделил внутри себя так много места, что туда может поместиться целая вселенная, причём

освободил для гостя, для другого, лучшие свои территории — т.е. принимает другого по-царски. Но этот другой не понимает где очутился, он недоволен, как ему кажется, пустотой. И, главное, он не снял свою грязную обувь, входя в сердцевинные залы другого и наследил там своими земными глупостями (самолюбие, эгоизм, корысть, тщеславие...). Гость оказался недостойн встречи по-царски, он не дорос до такого уровня отношений (слишком много свободы ему не по силам). Это будет встреча или не встреча? Всё-таки встреча, но некрасивая, наследившая в душе принимающей стороны.

* * *

В этом смысле разные учения — это своего рода общественные площадки для встречи (у адептов одного и того же учения есть некие общие места внутри — некоторая условность, предпосылка к встрече, хотя и не гарантия встречи). Но могут быть и такие искусственно созданные учения, которые нацелены на ликвидацию внутреннего пространства и недопущение встреч вообще. Атомизация общества, индивидуализация — об этом.

* * *

Между некоторыми людьми есть схожесть в дурном при полной несхожести в хорошем. И они слышат друг друга так же, как слышат друг друга похожие в прекрасном. Но смотрят друг на друга такие люди иначе — корыстно, возможно.

Выходит, эти люди сходятся, встречаются в Антипесне, но не в Песне — такое бывает.

* * *

Мы недооцениваем значение Другого как такового. Для явления себя в мире каждый из нас нуждается в другом, как в вопрошающем, в том числе вопрошающем обо мне, взывающем ко мне и тем вызывающим меня в бытие — снова и снова. Другие — это наши зовы, слово другого ко мне: «Будь! Ты мне нужен!».

Но каким я тебе нужен? Каким ты меня видишь и зовёшь к себе? Дело в том, что запрос другого во многом создаёт меня как ответ ему, ответ на его запрос.

Страшный Суд потому страшен, что мы непосредственно встретимся с Тем, Кто взывать будет¹ к нам истиной и в истине, без искажений — Он позовёт по настоящему имени. Смогу ли я отозваться адекватно или привнесу с собой кучу разного, ненужного, лишнего хлама, налипшего на меня в процессе неверного взаимодействия с другими? Этот хлам мешает быть не только мне самому, но и другим. Если я направлю этот хлам на Бога, я как бы воззову к Богу ложным голосом, позову искривлённого моей клеветой Бога — в том и будет моё осуждение.

По большому счёту, каждая наша встреча с другим — маленький суд, особенно с небесным другим, который, подобно Богу, общается чисто, почти без искажений. Как я отзываюсь на чистое обращение ко мне другого?

1. Бог всегда взывает к нам в истине и истиной, но тогда это будет более явно — прямо, так, словно сейчас мы прячемся от солнца под кроной пышного дерева, а потом окажемся под его прямыми лучами, и даже ближе.

Кем являю себя в ответ на его вопрошание? Но важно понять, что явление другого никогда не бывает само по себе — другой является как ответ, он приходит, подстраиваясь под мой зов. Это особенно заметно на юродивых, которые совершенно различны с разными людьми, отражая этим именно разность самих людей. Юродивый травмируется той энергией, которая исходит от окружающих его людей — возможно потому, что не возвращает её, как обычные люди (травмируется, но не травмирует).

* * *

Можно ли приговорить другого к небытию и не заметить этого? Можно, именно этим мы постоянно занимаемся, когда судим других — приговариваем и другого, и себя²...

Дело в том, что человек живёт таким как есть, а не таким как нам бы хотелось. Каждый из нас — не идеален, хоть и приятно было бы стать идеальным, но... Откуда же в нас берётся пафос и самомнение, когда судим другого (судим за несоответствие идеальным шаблонам). От непонимания, как это работает. Это — в смысле Спасение.

Бог не требует от человека идеальности, Бог говорит человеку — иди за Мной. Иди такой как есть, а не такой, каким надо быть. Люди же поступают противоположным образом.

Если бы не Бог, многие из людей были бы попросту затоптаны претензиями. Но Бог является для нас тем

2. В Луч меня рождает Другой.

Другим, который зовёт человека таким как есть встать на истинный путь и не комплексовать по поводу каких-либо несоответствий представлениям о правильном.

Откуда берутся представления о правильном? Они вписаны в культурный код, это знания, которые передаются из поколения в поколение — чтобы никто не заблудился в социальной коммуналке.

* * *

Однако культурный код, как его обычно понимают — это лишь механика. По сути — это сборище указателей на хорошие пути, которыми уже кто-то прошёл и на которых можно встретиться с собой подлинным. Это очень важно для всякого, кто ищет (а для тех, кто не ищет — лишь повод погордиться, покичиться, повыпендриваться). Но важнее пройти путь самому, и всякий, кто встретился с собой подлинным³, должен ещё стать тем собой, идя своим путём — не чужим.

В культурный код по мнению многих входят только старые, хорошо известные пути. Но это заблуждение. В культурный код включены уже и те пути, которых ещё нет на культурной карте. Потому что все пути суть один единый путь. И если твой путь вписывается в этот Единый Путь — ты уже часть культурного кода, независимо от чьих-то знаний и мнений.

Таким образом существует как бы два культурных кода или, вернее, два уровня одного: видимый и невидимый. Невидимый становится видимым усилиями

3. Подлинного другого можно видеть только подлинным собой.

идущего своим путём. И только такой идущий преодолевает в себе механику культурного кода, осуществляя прорыв к жизни. Просто сухое, интеллектуальное знание чужих правильных путей к прекрасному — это ещё не жизнь. Знание может превратить знатока в Прокруста, не пускающего ко Христу, а не проводника к Нему.

Проводник живёт, а не знает, идёт, а не указывает. Кто ищет его, тот всегда находит — по Свету, который в нём.

* * *

Единственно возможный способ светить другим — светиться навстречу Свету. Не своим только светом светиться, светом болотной гнилушки, а светом Света, рождать в себе свет в ответ на Зов/Свет (уподобляться). Подобное ищет подобное и притягивает подобное. Подобное притягивается к подобному.

Светиться своей глубиной и значит быть собой, но моя глубина глубже меня.

* * *

Любить — это как в дом к себе кого-то поселить: возьми и вынеси из комнаты все своё, чтобы любовь поселилась. А иначе как ей быть? Где? Мы разговоры умные ведём, а место от себя для неё не освобождаем.

Научиться любви нельзя, надо только одно — освободить от себя место для неё. И она придёт.

* * *

Ошибка — думать, что человечность в людях это нечто само собой разумеющееся. Она, скорее, плод социального развития. Но если повернуть это развитие вспять (а сегодня такое возможно — современный

человек не из пугливых, не испугается), то бесчеловечность станет таким же обыденным явлением, какой нам кажется минимальная человечность.

Грядут времена, когда пороки в нашем нынешнем представлении будут выглядеть добродетелями на фоне пороков, распространённых в новом человечестве (сменившем вектор своего движения). Назад к обезьянам — это большой оптимизм. Обезьяны окажутся человечнее новых людей, ибо они ограничены природными рамками — в отличие от человека.

* * *

Всякий раз, выбирая, как поступить по отношению к другому человеку, мы выбираем себя. Когда мы поступаем бесчеловечно, мы изгоняем из себя человека. Потому странно, что люди так ленивы на человечность по отношению к другому. По-настоящему надо бы ловить каждый случай, когда можно кому-то помочь и сделать что-то хорошее. Это больше нужно самому человеку, чем другому — ради человека в себе.

Добрые поступки нужны как воздух и человеку в себе, и человеку в другом — иначе человека не станет.

У нас же всё происходит наоборот: даже должное на своём месте делается неохотно.

* * *

Мы рисуем в себе человека. Словно наносим макияж — и потом этот макияж становится лицом? Внутренний макияж — да, возможно. Мы становимся тем, что рисуем у себя на лице — как мечту о себе. Но ведь это поразительное свойство человека — животворить себя посредством изображения мечты. Почему это

возможно? Потому что мечта взаимодействует с вечным человека, если это мечта о прекрасном и человеческом человеке. Мы сначала представляем себе это, а потом воплощаем в себе это. Но как можно представить то, чего не знаешь? Следовательно, сокровенная мечта о человеке знакома нам, но мы словно пробиваемся к ней сквозь слои неправды.

Человек меньше, чем хочет быть. Но если он рисует себе верную задачу в виде будущего автопортрета, он станет этим портретом. Мы становимся тем, кем хотим, становимся тем, куда стремимся. Наши мечтания создают нас, если мы мечтаем в правильном направлении. Бесплодные⁴, пустые мечты и самоубийственные мечты — это мечты без человека, против человека и человечности в нас, но и они воплощаются, если мы к ним устремляемся.

* * *

Человек без своего мира — это вовсе не человек в своём мире. Когда рушится мир, самое трудное — дойти до понимания, что он совсем рушится. Чем раньше перестанешь хвататься за обломки падающего мира, в надежде, что хоть что-то уцелело, тем целее будешь сам.

Пережить такого рода собственную деструкцию — интересный опыт, хоть и очень травматичный. Мы ведь недооцениваем значение мира в нас — думаем, что это мы сами по себе живём, а не в мире, который

4. Бесплодны они в том смысле, что не создают в нас человека, нелюдь — плод такой бесплодности.

определённым образом организует нас, собирает в человека.

Нет мира — нет и человека? Нет, слава Богу, человек больше мира. Но без мира нет того человека, который жил в этом мире.

А что есть? Сначала — обломки. Жалкое зрелище, гораздо более жалкое, чем обломки мира — обломки человека. Душевно-духовные обломки, хотя и телесные отчасти — психосоматика даёт о себе знать.

А потом из этих обломков заново надо себя пересобрать. Как? Ответ не может быть теоретическим — только практическим, а практика у каждого своя. Главное — не сойти с ума, не умереть и не желать себе смерти. Нет-нет, в любом затруднении надо искать светлое пятно — белого кролика.

Всегда ли есть белый кролик, световой зайчик? К сожалению, не всегда. Но ведь это было бы слишком просто — следуй за солнечным зайчиком и всё. Нет, зайчика надо дождаться. Надо верить в него, как в сказку, без которой мир не мог бы выживать все эти века своего посястороннего бытования.

А если сказки всё нет и нет? Надо её сочинять самому. Не факт, что получится, но если проявить упорство устремлений, сказка сама начнёт сказываться. В этом можно не сомневаться. И тогда...

Что будет дальше, знает только сказка.

Дневники

О Блоке. Так выглядит поэтическое сораспятие Христу

«Всякий поэт — священнослужитель. Он ищет связи с неведомым, принимает тяжесть мира и разделяет его боль». Это сказано о польском поэте Яне Твардовском (А. Базилевский «Невозможное неизбежно»), но относится ко всякому поэту, который тайнодействует в Слове.

Поэт — не волшебник, а страстотерпец или даже мученик (вспомним цветаевское «мученица»). В. Б. Шкловский в своих размышлениях о Маяковском («Повести о прозе. Размышления и разборы») пишет: «Когда поднимают грузы времени, то шершавые веревки, к которым прикреплены тяжести, перекидывают, за неимением других блоков, через сердца поэтов. Сердце сперва согревается, потом оно раскаляется, и огонь раскаленного сердца даже днем виден издали...».

Помнится, меня поразило это «за неимением других блоков» — в смысле других сердец, способных выдержать такого рода работу и не умереть?

«Блока я видел однажды, — вспоминает С. Н. Дурылин. — В изд-ве „Мусагет“, на ритме. Он сел у письменного стола и промолчал весь вечер. Лицо его было маска* — казалась она какою-то известковою, тяжелою,

* Между ликом и лицом нет прямого тождества, т.е. по лицу не следует судить о лике. Бывают обстоятельства, при которых чем живее лик, тем мертвее выглядит лицо — запредельные для личности обстоятельства

навсегда прилипшею к лицу. Маска была красна и кровава. Над нею был кудрявящийся вал волос. Я никогда ни у кого не видал такого застывшего, омаскированного, картонного лица. Было нестерпимо жутко на него смотреть. Глядя на этот личный картон, пропитанный клеем и белилами и смазанный румянами, я понял, почему он написал «Балаганчик». Даже снег — буйный, чистый — дал ему только «снежную маску». А за маской, должно быть, больно, всегда больно, неизлечимо больно. Она ведь не дает жить и дышать живому телу лица» («В своём углу»).

Не даёт дышать... И не только лицу — всему телу, всей душе, всему человеку.

* * *

*Я видела бога забившимся в угол,
как малая пташка, как жалкий птенец.
Он в комнате детской рыдал среди пугал —
и в ужасе вторил: «Отец мой! Отец!».
<...>Там плакал ребёнок¹...*

Есть у меня такое стихотворение. Наверное, именно его наличие побудило приятельницу спросить у меня о другом ребёнке — блоковском, из стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...»:

*Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.*

1. См. стихотворение «Я видела бога забившимся в угол...» на стр. 165.

*Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луже.
И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.
И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.
Август, 1905.*

— О каком ребенке идет речь? — спросила приятельница.

— Возможно, это Христос в нас, — ответила я.

Образ Христа у Царских врат, сердечный Христос самого Блока — они, вероятно, встретились в Блоке во время пения девушки. И случилось восхождение Блока, переживание трагедии (Цусимское сражение², гибель моряков) как личного горя во Христе. Хотя икона, пение и белое платье — вовсе не обязательные атрибуты для обретения такого состояния, Блок поэтически точен и фиксирует этап за этапом на пути к переживанию мистического озарения.

2. Цусимское морское сражение — морская битва 14 мая — 15 мая 1905 года в районе острова Цусима, в которой российская 2-я эскадра флота Тихого океана под командованием вице-адмирала Рожественского потерпела сокрушительное поражение от Императорского флота Японии под командованием адмирала Хэйхатино Того.

Психологическое различение состояний личности «Ребенок», «Взрослый», «Родитель»³ немного о другом, но близком. Поэт — это, конечно, Ребёнок. Ребёнок в нас — это тот, кто общается с Богом. Во Христе мы все Его дети.

Христос в нас — это Божественный поток. Если уподобить единое человечество чёткам, Христос в нас будет нитью, на которую нанизаны бусины. Чётки — очень точный образ. Антихрист тоже будет нитью в нас (и явятся Античётки?).

«Анти» ведь это и «против», и «вместо». Многие не понимают, что значит «вместо»⁴.

Теперь представим образ бусинки-Блока. Место встречи бусинки и нити — вспышка. Травма, которая болит. Это плачет Ребенок-Блок во Христе. Христом плачет.

Миг, где Блок = Христос. Так выглядит сораспятие Христу. Это оно и есть.

Вот он — ожог...

Место встречи с Богом и адом мира одновременно.

Это к теме поэтической тонкости. Почему поэты столь тяжело переживают время исторических катастроф. Та же Цветаева... Много ли людей, способных так лично переживать событие из разряда новостных?

Живущим более поверхностно в сравнении с поэтом людям трудно даже вообразить насколько более глубо-

3. Э. Берн выделил три эго-состояния человека и назвал их «Родитель», «Взрослый», «Ребенок».

4. Христос — Песня сердца, Антихрист — Антипесня («против-песня» и «вместо-песня»), т.е. табуирование подлинной Песни и её подмена.

кими, сильными и, естественно, более травматичными могут быть переживания, потому возникает недоумение при взгляде на оглушённого, словно контуженного горем поэта. Другие на его фоне могут выглядеть более устойчивыми, более целыми, неповреждёнными — это обманчивое впечатление. Мало кто способен выдерживать внутренние перегрузки, при которых поэты живут и работают постоянно, без которых нельзя стать поэтом.

* * *

Жить в присутствии Бога — это как будто жить на Его ладони посреди ада. Прекрасно, но «пёрышки» малость подгорают. «Пёрышки» горят от прикосновений ада — не от Бога. Ты на Его ладони, а вокруг всё — пожар, и если хоть чуток выступает что с ладони, торчит — опалится. Нельзя и кончик носа высунуть — сгорит.

* * *

Благодать только так и даётся — на дело. Делай дело — будет благодать, будет благодать — придут искушения, но ты делай дело — и будет благодать. Столько, сколько надо на дело и преодоление ада.

Много ада — много и благодати, много благодати — много и ада.

Люди со стороны смотрят и видят каждый своё, а внутри и ад, и рай. Адские люди видят адскими глазами адское, райские — райскими райское.

Главное — не сравнивать, кто сравнивает, легко падает. Во Христе надо на Христа глядеть. Христом в себе на Христа в другом (а иначе Его нельзя видеть), и тогда никто не будет сравнивать.

Когда двое или трое собраны во имя Его⁵, там всё чисто⁶ именно потому, что все смотрят на Христа Христом. Христос делает нас чистыми, а мы сами такими не бываем.

* * *

Человек, смотрящий Христом на Христа в другом, на Христа в мире — это уже другой человек. Другой — пока смотрит на Христа⁷.

5. Отсылка к словам Христа «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

6. Чисто от корысти, тщеславия, гордости и пр. страстей, присущих человеку. Один из святых сказал: если ты, видя грех другого, не пожалел его, этот грех придёт и к тебе — проверит тебя на чистоту от него (а человек грешен, и виновный в одном виновен во всём — Иак. 2:10). Суть в том, что во Христе, в чистоте Его любви, чужой грех — это страдание, боль, т.к. другой сопричастен мне (и в нём — Христос). Во Христе не осуждают другого, а жалеют его, сострадая.

7. То же самое следует понимать о гении. Сегодня нередко отрицается искренность пушкинского «гений и злодейство — две вещи несовместные», мол, это сказано с иронией. Что бы кто ни думал, добрый гений действительно не совместим со злодейством — пока человек бытует в единении со своим гением, пока пребывает в своём инобытии. То есть, чем более человек является гением, тем чаще пребывает на территории своего гения и тем менее вероятно в нём злодейство. Хотя, разумеется, бывают и злые гении, но это совсем, совсем о другом, подлинный гений к этому никак не относится, а если и соотносится, то как ангел и демон (Бог, подлинное творческое начало, всегда на стороне ангела, а не демона).

18, 22 октября 2019

Страшный Суд в том, что мы встретимся с Тем, Кто взывать будет к нам истиной

Чтобы найти Бога, надо найти сначала ближнего — впустить в своё сердце Другого. Ближний — тот, кто нуждается во мне, кому я могу быть чем-то полезен, нужен. Ближний — мой шанс родиться в Боге, родиться в Бога. Для ближнего родиться — не для себя. Родиться таким, который может послужить другому в Боге.

Быть в Боге — это служить богом в себе богу в другом. Причём служит во мне ближнему Сам Бог, а не я — не стоит мыслить о себе слишком много. Моё дело — не мешать Богу творить Своё дело, а Его дело — Любовь.

Если же я думаю, что сам могу сделать что-то полезное для другого, я сразу же возношусь — падаю в свою самость, в свою ветхость, начинаю гордиться тем, что я что-то могу. Потому немощь блаженнее — если в Боге (эта немощь творит много добрых дел — находит возможности).

* * *

Каждая ситуация, где мы выбираем себя — зов Бога (Его голос всегда можно услышать, если постараться). И суд, конечно — мы сами себя судим, деля выбор. Наш выбор — и есть наш диагноз и приговор. Выбравший

бесчеловечность по отношению к другому, становится бесчеловечным. Так, от поступка к поступку, по крохам, мы собираем в себе человека или нелюдь.

Но почему одни выбирают человечность, а другие — бесчеловечность? Потому что не понимают, что для себя выбирают, когда выбирают себя для другого.

* * *

Когда человек сделал что-то некрасивое (в чём его уличает совесть), но пытается выгородит себя, чтобы не признавать себя виновным, он начинает придумывать себе красивые роли, сквозь которые смотрит на ситуацию и видит себя жертвой, а не виновником своего падения (в его глазах виноват кто-то другой). Он и падения-то старается не заметить, а оно реально изменило его, и он уже совсем не таков, каким был. Потому правда жизни не позволит ему обмануть себя, совесть всё так же будет уличать его (если не отомрёт за ненадобностью), пока он не поймёт, что без покаяния не обойтись. Лучше не тратить попусту время и не лукавить. Только покаяние может исправить повреждение — они реальные, а не умозрительные (прежним быть не получится — прежнего больше нет).

И вот что важно: чтобы выскочить из греховной ямы, в которую угодил, человеку надо превзойти себя прежнего, стать лучше — т.е. на падении следует подняться выше, иначе не выбраться. Потому и символом души для греков стала ласточка, которая взлетает, падая. В этом глубокий духовный смысл, потому и плох не тот, кто упал, а тот, кто не стремится встать (покаяться).

Подчеркну эту мысль: чтобы встать после падения, надо вырасти, стать больше, чем был до падения — иначе невозможно встать.

* * *

Душа всякого человека в этом мире — мученица. Пожалевший другого, увидевший его душу-страдалицу, увидел это богом в себе — так рождаются в Бога. Потому и разбойник, который, вися на кресте рядом со Христом, пожалел Его — пусть даже просто по-человечески, просто сострадая его невинному страданию, а вовсе не веря во Христа, родился в Бога и оказался мил Спасителю, умилив его в самые тяжкие для Его человеческой жизни минуты.

* * *

Свт. Лука говорил: «я полюбил страдание». Наверное, не страдания сами по себе (они калечат), а их плод — капельки благодати, которая не заслужена ничем иным, кроме как претерпеванием страдания во имя чего-то большего, чем ты сам. Тогда на месте причинённых другими ран, как масло на иконах, проступает Господь. Именно так. Это кратчайший путь: милость к беспомощным и претерпевание страданий. Хочется добавить «безвинных страданий», и оно так и есть с небольшой оговоркой: безгрешных людей не бывает, а кто виновен в одном, виновен во всём (Иак. 2:10) — потому скажем просто «страданий».

* * *

Мы недооцениваем значение Другого как такового. Для явления себя в мире каждый из нас нуждается в другом, как в вопрошающем, в том числе вопрошающем

обо мне, взывающем ко мне и тем вызывающим меня в бытие — снова и снова. Другие — это наши зовы, слово другого ко мне: «Будь! Ты мне нужен!».

Но каким я тебе нужен? Каким ты меня видишь и зовёшь к себе? Дело в том, что запрос другого во многом создаёт меня как ответ ему, ответ на его запрос.

Страшный Суд потому страшен, что мы непосредственно встретимся с Тем, Кто взывать будет* к нам истиной и в истине, без искажений — Он позовёт по настоящему имени. Смогу ли я отозваться адекватно или привнесу с собой кучу разного, ненужного, лишнего хлама, налипшего на меня в процессе неверного взаимодействия с другими? Этот хлам мешает быть не только мне самому, но и другим. Если я направлю этот хлам на Бога, я как бы воззову к Богу ложным голосом, позову искривлённого моей клеветой Бога — в том и будет моё осуждение.

По большому счёту, каждая наша встреча с другим — маленький суд, особенно с небесным другим, который, подобно Богу, общается чисто, почти без искажений. Как я отзываюсь на чистое обращение ко мне другого? Кем являю себя в ответ на его вопрошание?

Важно понять, что явление другого никогда не бывает само по себе — другой является как ответ, он приходит, подстраиваясь под мой зов. Это особенно

* Бог всегда взывает к нам в истине и истиной, но тогда это будет более явно — прямо, так, словно сейчас мы прячемся от солнца под кроной пышного дерева, а потом окажемся под его прямыми лучами и даже ближе.

заметно на юродивых, которые совершенно различны с разными людьми, отражая этим именно разность самих людей. Юродивый травмируется той энергией, которая исходит от окружающих его людей — возможно потому, что не возвращает её, как обычные люди (травмируется, но не травмирует). Юродивый остаётся самим собой только с теми, кто способен общаться в истине, кто по-детски прост и открыт в Боге.

* * *

Наше обращение к Другому конституирует метод общения и самого Другого, потому неправильное, недолжное обращение к Богу (не соответствующее Его свойствам и тем клеветующее на Него, хоть и косвенно), как бы творит насилие над Ним, принуждает Его быть не тем, Кем Он есть. Но так как Бог совершенен и свят, т.к. Он неизменен в своей святости, это губительно не для Него, а для нас.

Страх Божий — это о верном взаимодействии с Богом, о страхе «неверной сборки» Бога при общении с Ним, т.к. в общении мы создаем и Другого, и себя. В ответе мы, конечно, не за выбор, который делает личность другого, но за предложенный ему образ, за роль, которую мы ему предложили в нашем жизненном спектакле.

* * *

Люди ошибаются, это нормально. Потому ловить чужие ошибки — низость (даже великие ошибаются). Ценен человек тем, на что способен помимо своих ошибок, помимо своих заблуждений — вопреки им. Человек прекрасен именно потому, что несмотря на

свои немощи, способен творить великое и прекрасное. Прекрасное и надо искать в нём — это сделает прекрасным и другого, и меня. Мы прекрасны, когда высматриваем друг в друге прекрасное.

Дневники

Доброта — не добро, доброту ещё надо конвертировать в добро

Сотворённый Богом мир был хорош. Нынешний — нет, ему предстоит погибнуть, и причина нехорошести этого мира — грехопадение людей. Мир не сам по себе зол, он по нашей злобе стал таким. Следовательно, чем больше в этом мире будет действительно хороших людей, тем лучше будет и мир. Он, конечно, всё равно обречён, но от нас зависит как быстро несовершенный мир превратится в совершенный ад. По крайней мере, христиане призваны быть тормозом процессов деградации мира, ведь дело веры — личными усилиями осуществлять на земле желаемое и ожидаемое Христово Царство (рай). Осуществлять как акт личной воли, веры и личного делания, т. к. «вера без дел — мертва»...

Хороший — как хорошее яблоко

Каждый в предлагаемых жизнью обстоятельствах делает, что может. А если не делает, то либо не может, не умеет, либо не желает, либо требуемое вообще на-

ходится за гранью его разумения. Потому нелепо требовать от другого: будь таким как я считаю правильным. 1) Если мы сами действительно правильны (праведны), то должны делиться с другим праведностью, а не своими претензиями. Любить — это говорить другому: будь счастлив, а не требовать: сделай меня счастливым! И часто ведь так бывает: ума понять ближнего не хватает, зато всегда достаточно самомнения, чтобы осудить непонятого. И, конечно, если я кого-то не понимаю, то виновен в этом он, а не я...

Человек (в том числе я сам) слишком немощен, поэтому праведность — это всегда Господь в нас, а Он суть любовь. Дарите любовь другому и никогда не ошибётесь, потому что даря любовь, мы увеличиваем степень целостности другого, себя самого и мира в целом. 2) Господь живёт в целом (*потому «кто виновен в одном, виновен во всём» — ибо не цел*), и Он сам заботится о других, когда мы служим Ему и ближнему. Целостность сама блюдёт праведность своих частей. Частям не следует следить за другими частями — достаточно слушать голос Целого — т. е. голос Пастыря Христа, который велит любить ближнего, а не судить. Любить — т. е. служить благу другого, быть готовым стать опорой всякому нуждающемуся в трудной ситуации.

Нужда других, сердечное участие в ней, даёт благодать и самые точные ответы на бытийные вопросы. Соучастие (оно же — счастье) порождает луч истины, освещающий всё вокруг — до самых глубин. Сочувствие другому включает измерение истины в душе, так что через искреннее и активное участие в другом

можно познавать Бога, потому что Он спешит навстречу всякому, кто озаботился другим. Это и означает быть хорошим человеком.

Хороший — это равный себе (не ущербный, не порченный) человек и потому счастливый. Как хорошее яблоко... Не следует считать хорошим человека только за то, что он мило улыбается в данный момент, ибо в иной ситуации этот же человек может причинить не только боль, но и вред, причём бессознательно — не ведая, что творит, если он не стал вполне собой, если он не дорос до своей полноты во Христе, если он — случаен в том смысле, что действует не сознательно, а ситуативно (*«не ведают, что творят»*). Не следует также считать плохим человека только за то, что он вам сейчас не улыбается...

Творящий зло зачастую даже не понимает, что жесток. Не видит. Люди бывают особенно жестоки, когда мнят, что стоят «за правду», не понимая, насколько великий труд необходим просто для понимания что правда, где правда и т.д. Хватает первую попавшуюся на его взгляд правду и творит множество неправд под её прикрытием (потому, что не цел). А целостность обрести можно только любя других, служа другим, принимая других в Боге.

Счастье — то, чем следует делиться

Итак, хороший человек — это равный себе человек (как хорошее яблоко), и потому счастливый человек. А счастье — то, чем следует делиться, иначе можно стать нехорошим человеком. Вообще, что-либо хорошее,

всем нужное, при его наличии, вызывает к своему владельцу: поделись с тем, у кого этого нет. И надо слушаться, непременно — чтобы быть счастливым.

Возможные вопросы:

1) Что имеется в виду? Счастье — очень личный момент, и не все способны его разделить, ведь оно такое разное...

Разделить — претензия, требование к другому, а когда делишься — даришь, а не требуешь (исходишь из нужд другого). Каким бы ни было счастье, им надо делиться. Если ты богат, найди тех, кому можешь помогать, кто нуждается в помощи: богат деньгами — помогай деньгами, богат душевно — грей других душой, духовно — сей семена духа (тут следует напомнить, что духовно богат нищий духом, потому что богат не собой, а Христом).

Конкретный пример, скажем, такой. У вас хорошая семья, счастье в доме, а есть одинокая подруга. Не забудьте о ней в дни праздника. Не обязательно звать её к себе (одинокие люди бывает не любят этого, им ещё более одиноко становится — в сравнении), но найдите душевное тепло, время, слова, подарок. Каждый конкретный случай требует конкретного, несхематичного решения. Единственное что можно сказать вообще — никаких схем, только живое участие, живое внимание, живое взаимодействие.

2) Что значит «равный себе человек: максимально реализующий свои возможности и желания или, наоборот, сдерживающий их в каких-то рамках?»

Простой пример: автомобиль, который заправили

дорогим вином, поедет? Нет. А заправленный дешёвым бензином — поедет. Потому что заправленный бензином он равен себе, при этом заправленный хорошим¹ бензином может использовать все свои «таланты» максимально продуктивно.

3) Не все готовы принять тебя, твоё счастье, которым ты делишься. Люди часто отказываются от того, что им даётся жизнью уже сейчас, сегодня. И поэтому происходит непонимание, и вместо тёплых эмоций принятия чужого счастья другие люди ощущают злость, грусть и уныние...

Конечно, всё непросто. Вопрос можно свести к пониманию того, что давать, когда, как и почему. Мы ведь, зачастую, себя хотим «втюхать», или хотим использовать другого в корыстных целях (давать приятно). В том и дело, что надо слышать нужду другого, и уже из этого слышания действовать, а слышание корыстному уху и взгляду в принципе недоступно. Чистое, не искажённое корыстью внимание к другому только и даёт шанс осуществить акт дарения по-настоящему. То есть, дарению должна предшествовать сердечная Встреча. Но и тут нет гарантий, что всё будет гладко. Бывает всякое. Важно быть чистым в намерениях, ибо всё достойное само как бы налипает слоями только на чистоту...

1. Хорошим именно для него, но не в смысле, отвечающий его «хотелкам» (вроде «хочу быть царицей морской»), а в смысле соответствующий имеющемуся в наличии механизму (а значит и замыслу о нём).

Одного бескорыстия – мало

Однако одного бескорыстия — мало, в нём нет положительного содержания². К бескорыстию (отрицанию наличия корысти) необходимо позитивное дополнение в виде исполнения любого из жизнеутверждающих принципов (творчество)³. Надо непременно что-то созидать (внутреннее или внешнее) — кому что интересно и по силам.

Природная доброта (желание добра) — ещё не добро, доброту надо конвертировать в добро. Это не так просто, и не все умеют... Иногда доброта приносит недобрые плоды (когда неверно прилагается к обстоятельствам жизни). Или остаётся бесплодной, что тоже не есть добро. Доброта — аванс, добро — зарплата за труды.

Жизненный процесс удивительный конвертер, некоторые с его помощью умудряются даже свою пустоту претворить в добро. А великие, словно алхимики, способны и злое обратить в сторону добра, встраивая его в сеть добрых отношений (для этого должна существовать такая сеть).

2. Эту мысль надо додумать до конца — возможно высвобождающиеся возможности дают какое-то своё положительное содержание, которое здесь не учтено.

3. Именно это имеется в виду, когда говорят «хороший человек — не профессия». Правда, профессия имеет отношение только к внешнему деланию, а оно бывает ещё и внутреннее — «карьера в невозможном», говоря словами Гёте («Смыслом земного пути является карьера в невозможном»). По мысли Платона «всё, что вызывает переход из небытия в бытие — творчество».

Именно в этом смысле наше социальное начало должно быть встроено в добрые социальные отношения, мы должны производить сообща не только какие-то товары, но и добро. Ведь мало кто способен к самостоятельному доброделанию. А опыт показывает, что в своих спонтанных социальных порывах мы склонны совершать саморазрушительные действия по той же причине: доброта — не добро. Не умеючи (или, наоборот, умеючи — в случае политтехнологов), доброте легко можно конвертировать во зло, направив не туда.

Природно доброго человека можно втянуть в дела злые и сделать орудием зла так, что он и не заметит этого. Или, вернее, когда заметит, злое дело будет уже сделано.

Народ — не толпа людей

Так же обстоит делом и с человеческой общностью: чтобы быть народом, мало просто существовать, нужно ещё потрудиться осуществиться духовно. У свт. Иоанна Златоуста есть хорошая мысль, что народ — это святые (из числа народа), а не толпа людей.

Толпа — зверь, мы это хорошо знаем, толпа бесчеловечна и безответственна.

Если представить, что народ — это некий единый организм, в котором отдельные человеки — его клетки (т.е. части единого целого), то странным покажется всеобщая подозрительность при взгляде на другого. Представьте, что стало бы с нашим телом, если бы наши клетки не дело своё делали, служа благу целого, а постоянно подозревали друг друга в какой-то

непорядочности, нелояльности или, наоборот, лояльности не к тому.

А какое дело у наших клеточек? Любить целое в каждой отдельной части этого целого (а с каждой отдельной клеткой Целое само разберётся⁴). Любить — это содействовать благу. Вот так и мы должны относиться друг к другу, а не врагов высматривать. Если мы сами себе не враги...

А уж про голову, которая должна думать о пользе целого и заботиться о благополучии здоровых, а не раковых клеток, и говорить не будем. Это же очевидно.

И так же очевидно, насколько ненормален мир, в котором мы живём и который мы создали. Вот, что значат библейские слова, что мир во зле лежит. «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19).

И что нам Запад, по большому счёту? Он лишь верен себе, это достойно уважения. А мы себе верны? Без согласия мира на беспредел Запад бы ничего нехорошего не мог сотворить. Как говорит один американский журналист, Америка так поступает «потому что может», «они — делают, а не болтают...».

Страх оскорбить другого

Наблюдая ажиотаж вокруг выборов, видя как люди ругаются с давними друзьями на почве выборов, наблюдая великую радость или великое горе в людях,

4. «Если хочешь стать добрым, стань строгим сам к себе и не убивай других своей строгостью. К себе будь строг, а за другими смотрит Бог» (Монах Симеон Афонский).

всё время вспоминаю известный афоризм Козьмы Пруткова:

Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим.

Актуальнейшие слова. Их надо надеть, как очки, и на всё смотреть сквозь этот афоризм. Истину, конечно, так не обнаружишь, но может хоть страстей на пустом месте поубавится. Всё равно ведь всё не так, как кажется.

Хамство стало нормой — вот в чём первая наша беда. Наблюдала в магазине нехорошую сцену, после которой захотелось напомнить и себе, и другим, что нет никакой правды на свете, которая позволяла бы унижать другого человека. Будьте тысячу раз правы, но не смейте оскорбить человека (правого или нет — неважно). Страх оскорбить другого — это хороший страх, он сродни страху Божьему. Именно страх оскорбить, а не получить за оскорбление. Страшнее всего оскорбить безответного, того, кто не может за себя постоять — нищего, слабого, малого... Или, скажем, начальствующего, который тоже не в равном с вами положении (за его спиной — многие, и бремя его — иное). Говорю не о раболепии, не о властолюбии или кастовом подходе (упаси Бог так подумать!). Говорю только об уважении к другому человеку, без которого нет ни другого, ни меня. Мы оба исчезаем в грязи самолюбия, когда забываем об этом важном правиле — чтить лик божий в человеке, независимо ни от чего. А если так, то уважение к человеку распространяется и

на врагов⁵. Опять же, речь не об уважении к злодеянию, преступлению или ещё какой другой гнусности, а об уважении к человеку. «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благодотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

Благословлять — это одаривать человека целым человеком (Христом). Это не эмоции и жесты, а структурирование тканей — сила и действие.

Доверие к Богу делает человека беспечным по отношению к себе, ведь никто не может любить его так сильно, как Бог. Потому верящий Богу может позволить себе роскошь великодушия. Так же и самодовольство легко вытесняется детской любовью к Богу, который только и научает человека правильной — свободной от страстей — любви, дающей силы любить во Христе даже врагов.

*Будь светом всем, кто для тебя не свет —
таков ответ. Единственный ответ⁶.*

22 марта 2018

5. Отсюда всем известное доброе отношение победивших русских к побеждённому врагу.

6. Стихи автора.

Мир требует, чтобы человек встал на животные рельсы игры в ДОМИНАНТНОСТЬ

Не от мира сего

Мир требует, чтобы человек встал на животные рельсы и стремился к доминантности. Доминантностью вечно озабочены звери. Но Христос предложил иной путь — подставь себя под удар, а не бей: не стремись доминировать.

Этот мир избивает всех, кто не дерётся за доминирование, люди этого мира втаптывают в грязь того, кого принимают за слабака — он не доминирует. Отказ от доминирования — это отказ от животного поведенческого модуля в пользу действительно человеческого.

Люди-звери знают только два статуса: либо ты, либо тебя, потому, не чувствуя, что в некоем пространстве есть доминирующий, автоматически, на уровне рефлексов, себя назначают «царём». А если не могут сами доминировать, то стараются быть как можно ближе к тому, кто доминирует, стараются сделать себя приближенными.

Играть в доминирование скучно, даже дружба и любовь людей-зверей не выходят за рамки доминантности: либо ты, либо тебя. Это дружбы, построенные на подчинении одного и доминировании

другого. Дружить по-настоящему, без игры в доминирование, способны очень немногие. Они-то и есть — не от мира сего.

Не ситуативное, а структурное

Слова Христа «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39) следует понимать не ситуативно, а на уровне структур. То есть, это отказ от присущего животным поведенческого модуля, отказ от стремления к доминированию. Необходимым дополнением являются слова «Больший из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:11). Таким образом происходит структурное переключение: доминирование сменяется служением, которое вне поведенческого модуля «либо ты — либо тебя».

Больший из вас да будет вам слуга

Прп. Иустин (Попович) уточняет: «Большій изъ вась — чем великий, чем больший? — Богочеловеком. В чем величие Богочеловека? В смиренном служении людям, всем людям. „Я посреди вась, какъ служащій“ (Лк. 22:27). В этом вся евангельская социология. Большой тем больший, что смиренно служит всем; меньший большего это тот, кто служит меньшему числу людей; малый — тот, кто служит только близким родственникам, а самый меньший — тот, кто не служит никому, кроме самого себя. Вот шкала величины людей. И ещё: малый, малюсенький, самый маленький

тот, кто требует, чтобы другие ему служили. Все такие — нехристова духа. Они в действительности и не знают, что есть главная, творческая, синтетическая, взаимосвязующая сила общества человеческого. Как не знают они, что такое человек, так не знают, и что такое общество. На самом деле, смирение — это основа и человека, и общества. Когда человек евангельски познает и измерит себя, тогда он бесконечно смиряется перед Богом Творцом и Жизнодавцем, Душедавцем и Теплодавцем, Вседавцем. Он всем существом чувствует и знает: от Бога идёт все прочное, бессмертное, вечное, ценное, богочеловеческое. Поэтому ему никогда не достаточно смиряться перед Богом. Он всегда искренно считает, что он недостаточно смирен перед Господом. Поэтому он постоянно унижает себя и перед Богом, и перед людьми, и перед всеми тварями Божиими. Но, унижая себя, смиренный человек возвышает себя в бессмертную и вечную Жизнь, в бессмертную и вечную Истину, в бессмертное и вечное Царство небесное. Напротив смиренного человека стоит горделивец. Гордость? Чем же человек имеет право гордиться? Что он имеет, чего не получил: душа ли это, или сердце, или глаза, или совесть, или сознание, или ум, или разум, или тело, или чувства, или красота? Гордость — это самая разрушительная сила в человеческом мире: она разрушает и человека, и общество. На самом деле, ничто так не принижает и не уничтожает человека, как гордость. Она в основном есть сердце каждого греха, каждого порока, каждого падения, каждой гибели. Как

смирение приводит ко всякой добродетели, так гордость ведёт ко всякому пороку. Нет греха, которому гордость не была бы матерью, ни добродетели, которой не было бы матерью смирение» (Толкование на Евангелие от Матфея).

Самоутверждение, желание доминировать, а ради доминирования желание всяческих почестей — тщеславие — и есть основа отношений в падшем во зло мире. Христианин же видит и чувствует Христом, а не эгоизмом, а потому видит в каждом человеке Христа: распятого или прославленного. Потому и служит Христу в ближнем, не опускаясь до человекоугодничества, которым больны люди мира сего. Человекоугодие и лицемерие — это вместолюбвь, антилюбвь.

Нечто, что нельзя присвоить себе

Есть нечто, что нельзя присвоить себе, не разделив с другими. Таковы все дары благодати. Дар — это то, что досталось даром и должно быть отдано даром. Его нельзя взять впрок, как и манну небесную, его нельзя использовать во зло против ближних, им нельзя не служить — отнимется.

Многие христианские смыслы как дары Божии потому и отпадают от современных христиан подобно хвосту — за ненадобностью, что они ими не служат на благо всем.

24 августа 2017

Бремя души

*Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь —
На кой-мне чёрт душа твоя!..
(М. Лермонтов. «Из Шиллера», 1829)*

Да, человеку и собственная душа — непосильное бремя, что уж говорить о чужой. Вспоминается диалог из «Так говорил Заратустра» (Ф.Ницше, 1885):

«Заратустра отвечал на это: „Я люблю людей“.

А почему, спрашивается, удалился в лес я — и стал отшельником? — воскликнул святой. — Разве не потому, что чересчур любил людей?

Сейчас я люблю Бога: людей я не люблю. Человек, по-моему, существо слишком несовершенное. Любовь к человеку привела бы меня к гибели.

Заратустра отвечал на это: „Разве я сказал что-то о любви? Я несю людям дар!“

Не давай им ничего, сказал святой. Лучше возьми у них что-нибудь тяжкое, взвали на себя и неси вместе с ними — это будет для них всего лучше: вот только будет ли это лучше и для тебя тоже?

А уж если ты хочешь дать им что то, то давай не больше жалкой милостыни, да еще и заставь их понижаться, выпрашивая ее!

„Нет, — отвечал на это Заратустра, — милостыни я не подаю. Я для этого недостаточно беден“.

Святой стал смеяться над Заратустрой и говорил:

Как же, гляди — так они и примут твои сокровища! Они не доверяют отшельникам и не верят, что мы приходим дарить дары.»

На разных этапах жизненного пути я вспоминала эти с юности впечатавшиеся в сознание слова: Не давай им ничего, лучше возьми у них что-нибудь и носи вместе с ними. Как это близко к евангельскому «Носите бремена друг друга, и так исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Но мы спешим давать...

Вспоминается и Цветаева, безрезультатно пытавшаяся обрушить огонь своей души, бремя этого огня, на встречаемых в пути людей. Никто не выдержал такого испытания.

«Я никому не нужна: мой огонь никому не нужен потому что на нем каши не сварить» (М. Цветаева).

Цветаева (Психея, а не женщина), жаждавшая быть нужной, востребованной, любимой не на обыденном уровне, но на огненном уровне души, была немислимо одинока. В письме Ю. Иваску (апрель 1933 г.) она писала: «... ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с „политиками“, а я и с писателями — не, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака...».

Она пыталась любить, но люди шархались от её любви как от огня. Осип Мандельштам в стихотворении 1916 года, посвященном Цветаевой, запечатлел для нас своё восприятие:

*С такой монашкой туманной
Остаться — значит быть беде.*

Быть беде... «Ведь я не для жизни. У меня все — пожар!» (М. Цветаева).

Птица-Феникс я, только в огне пою!

Поддержите высокую жизнь мою!

Высоко горю и горю дотла,

И да будет вам ночь светла.

(М. Цветаева, 1918)

Может и прав ницшеанский «святой», когда говорит: «Не давай им ничего, ибо они никогда не прощают тех, кто дает им что-нибудь». Подобную мысль высказывал и священномученик П. А. Флоренский: «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жёстче гонения и тем суровее страдания».

Давать или брать? Оказывается существует не один вариант прочтения, понимания этого вопроса, так же как существует не один вариант нравственно-верного ответа. Быть может, прежде чем получить право давать, надо научиться брать — т. е. взваливать на себя чужое бремя? Душа — бремя...

Человеку свойственно убегать от своей души. Мало кто решается на подвиг поиска её в себе и в ближнем. Нам привычнее и сподручнее использовать друг друга в качестве винтиков, механизмов, инструментов, предметов, товаров, услуг... Мы словно говорим: «Дай мне то, что у тебя есть — это мне нужно. Однако не вздумай давать мне себя самого! Ты мне не нужен, потому что я и сам себе — не нужен».

*Никто никому не нужен,
никто никому не важен.
Каждого бьёт каждый —
мы умираем дважды.
(С. Коппел-Ковтун)*

Бремя души (своей ли, чужой ли) — нелёгкое бремя. Быть может, самое неподъёмное. Потому и говорит ницшевский святой: «Любовь к человеку привела бы меня к гибели». Но Христос идёт дальше, и мы — во Христе, ибо «нет больше той любви, если кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13).

«Библия велит нам любить наших ближних, а также — наших врагов; вероятно, потому, что по большей части это одни и те же люди» (Г. К. Честертон).

«Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас; возьмите иго моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго моё благо, и бремя мое легко» (Мф. 11:28-30).

Болят, болят душа... Не может не болеть, пока жива, если жива. Жизнь — это всё больше боль (своя ли, чужая ли). Бремя души — это бремя боли, которая не перестаёт. Из этой боли и рождается нескончаемая жажда Бога.

6 декабря 2012

Земля и небо. Об одном заблуждении

Что ни говорите, а человек ходит на двух ногах исключительно ради того, чтобы глядеть вдаль и ввысь, особенно ввысь. Когда идёшь по деревенской тропинке, высоко закинув голову, в этом трудно сомневаться. И не глядеть в небо трудно — ибо красота.

Говорят, беременным надо глядеть только на красивое, чтобы дети рождались красивыми. Не потому ли многие православные отворачиваются от реалий жизни — вечно беременные? Может быть, может быть...

Вот только что на тропинке лежал камушек, но он ожил — крохотная лягушка, передохнув, отправилась по своим делам. Так и мы иногда, подобно лягушке, замираем на некоторое время, чтобы подумать или восторженно поглядеть в небо. Красиво же! А потом снова движемся по жизни, в согласии со своими нуждами и желаниями. Живой — движется.

Чтобы идти вперёд, даже глядящий в небо человек должен отталкиваться от земли. Он может не глядеть себе под ноги — какое-то время — но идти и не отталкиваться от земли он не может.

«Вера — осуществление ожидаемого», т. е. это такое же движение по жизненной тропинке, которое сопряжено с землёй. Воплощение в жизнь того, чего жаждет сердце, также требует соприкосновения с землёй, потому христианину одного неба мало. Не может он

быть христианином, отгораживаясь от земли с её нуждами, так что пусть равнодушие не рядится в святость.

Когда христианин погружает себя в иллюзорный мир, вырезая из целостной картины жизни только приятные для себя небесные сюжеты и «вклеивая» их в свою картинку мира, он калечит своё мировосприятие и становится духовно бесплодным. Как заметил волгоградский философ Андрей Макаров¹, творчество всегда связано с серьёзным, адекватным подключением к внешнему миру. Это не фантазмы, которые возникают как пузыри на болоте богатого внутреннего мира субъекта. Пузыри могут родить графоманию и всякие такие самодеятельные виды творчества — то, что Платон называет фантазмами, ложными образами или то, что в средние века понималось в переводе как симулякр, симулякровидные образования. То есть некий образ, за которым ничего не стоит. Вот это не творчество, а псевдотворчество. Творчество — это всегда переработка того материала, который человек берёт извне. Христианское творчество в том, чтобы Христом в себе реагировать и отвечать на вызовы мира, чтобы Христом в себе служить благим нуждам мира. Не все же христиане — схимники, зачем же рядиться в то, чем не являешься? Разве только ради самоуслаждения и самоустранения из реальной жизни.

«Спасающий спасётся» (Владимир Соловьёв²), т.е. в измерении человеческой жизни Христос спасает нас,

1. Андрей Макаров. Метод Леонардо да Винчи: создание совершенных произведений

2. Владимир Соловьёв. Тайна прогресса

но не без нас. Так же Он спасает и других. Как говорил апостол Павел, «уже не я живу, но Христос во мне», и в таком случае христианин это спасающий Христом и во Христе. А если не живёт в нём Христос, то и не спасающий.

Христианин подобен небесной нити, которой Господь прошивает земное существование людей, но для этого надо не брезговать погружаться в проблемы этого мира — латать его дыры небесной нитью. Если же нитки отдельно, а ткань мира отдельно, тогда нет смысла в этих нитях. Нитки не для того, чтобы лежать в шкапулке, нитки не существуют сами для себя, их надо пустить в дело — ими надо шить и сшивать то, что разошлось по шву или латать порванное злыднями мира сего. «Что отдал, то твоё» — это об этом, талант даётся не для того, чтобы его зарыть, а чтобы пустить в дело. Небесные, благодатные нити в любящих руках христианина — это лечение мира, без которого этот вечно болящий стоять не может и сразу падает в тартарары.

Почему же христиане живут так, словно ничего не должны этому миру? А ныне всё чаще ведут себя так, словно мир должен что-то христианам. Лежащий во зле мир что-то должен?

Пожалуй, единственное, что он может действительно дать, так это суд потерявшей силу соли или нитям, которые перестали его прошивать. Мир выбросит вон всё небесное, что перестало его спасать, ибо у небесного нет иного смысла в этом мире. Не спасающее — подложно, потому что «небесный» эгоизм обречён во всех смыслах.

*Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени –
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.
Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что все несовершенство мира
Лежит на совести его.
(Василий Фёдоров)*

Почему поэты страдают миром, болеют хворями этого мира, стараясь преодолеть их в творчестве, а христиане позволяют себе самоустраняться, изолироваться? Поэты — светские люди, которым дано лишь допрыгивать до небес в творческом акте. Христиане в этом смысле гораздо богаче и устойчивее, и дары небесные даны им не для самоудовлетворения. Дары всегда даются для служения. Иудеи распяли Христа потому, что решили присвоить Мессию — ради самоудовлетворения, на их взгляд Мессия должен был послужить их самовозношению.

Попранная святыня изымается от сообщества попираемых — Бог поругаем не бывает. Как манна небесная, припрятанная про запас, портилась, так портится и эгоистично присвоенная себе благодатная «манна» христианства.

Вспомним Христа, алчущего в пустыне: он не имел права приложить свои небесные таланты для

самонасыщения. Небо требует служить и жертвовать, небо требует отдавать ближним, вкладывать в их бытие всё, что получено свыше как дар. Христианство для себя — протухнет и начнёт разлагаться, и даже может стать ускорителем процессов гниения мира, если перестанет его осаливать. Не мир осаливает соль, а соль осаливает мир. Соль — для того, чтобы ею осаливать, а не для хранения под спудом для себя любимого. Присвоенная для своих корыстных целей соль всегда теряет силу...

21 августа 2017

За стеклом

1. В банке

Иногда встречаются люди, очень милые и улыбочивые, внутренне похожие на бабочку, бьющуюся о стекло. Или птицу... Когда говоришь с такими, невозможно отделаться от ощущения непроницаемости их сознания — отсутствия, принципиальной невозможности общения.

Встретиться с таким человеком сложно потому, что луч сердечного проникновения скользит по поверхности его сознания, не имея возможности войти внутрь. Хочется открыть дверь, окно, и выпустить пленника из стеклянной тюрьмы. Хочется быть хотя бы услышанным не сквозь стекло, без искажений.

Наверное, нечто подобное чувствовал герой сказки

Гофмана «Золотой горшок», когда оказался внутри стеклянной банки, допустив оплошность — посадив кляксу на волшебный пергамент. Вот как Гофман описывает состояние своего Ансельма: «пусть твоё живое воображение заключит тебя, ради меня и Ансельма, на несколько мгновений в стекло. Ослепительный блеск плотно облекает тебя; все предметы кругом кажутся тебе освещёнными и окружёнными лучистыми радужными красками; все дрожит, колеблется и грохочет в сиянии, — ты неподвижно плаваешь как бы в замёрзшем эфире, который сдавливая тебя, так что напрасно дух повелевает мёртвому телу. Все более и более сдавливая непомерная тяжесть твою грудь, все более и более поглощает твоё дыхание последние остатки воздуха в тесном пространстве; твои жилы раздуваются, и каждый нерв, прорезанный страшною болью, дрожит в смертельной агонии. Пожалей же, благосклонный читатель, студента Ансельма, который подвергся этому несказанному мучению в своей стеклянной тюрьме. Он чувствовал, что и смерть не может его освободить, потому что ведь он очнулся от своего глубокого обморока, когда утреннее солнце ярко и приветливо осветило комнату, и его мучения начались снова. Он не мог двинуть ни одним членом, но его мысли ударялись о стекло, оглушая его резкими, неприятными звуками, и вместо внятных слов, которые прежде вещал его внутренний голос, он слышал только глухой гул безумия».

Волшебный мир требует предельной точности, и ошибка может дорого стоить оступившемуся не вовремя.

Ансельм, проникнутый глубокой скорбью вдруг замечает, что рядом с ним стоят другие банки, в которых точно так же заперты люди. Он обратился к ним с вопросом «Как же это вы можете оставаться столь беспечными, даже довольными, как я это вижу по вашим лицам? Ведь и вы, как я, сидите закупоренные в склянках и не можете пошевелиться и двинуться, даже не можете ничего дельного подумать без того, чтобы не поднимался оглушительный шум и звон, так что в голове затрещит и загудит». Но пятеро заточенных в стеклянную тюрьму чувствовали себя гуляющими, они смеялись над бедным Ансельмом, говорили, что он — безумец, что им никогда не было лучше, чем теперь.

Стеклянная банка Гофмана — это первая «матрица», явившаяся миру ещё в 1817 году, задолго до фильма Вачовски. Ансельм поражён нечувствительностью других к стеклянному плену. Он спрашивает: «Но, любезнейшие господа, разве вы не замечаете, что вы все вместе и каждый в частности сидите в стеклянных банках и не можете шевелиться и двигаться, а тем менее гулять?»

Хочется освободить пленённых, но нельзя. Это только кажется, что освобождая человека внешним участием, его можно спасти. Нет, такая «свобода» убьёт неготового к ней. «Стеклянный» флёр иллюзий спасает от безжалостной реальности, от жёсткой правды бытия, где каждый вдох и выдох происходят в пространстве чуда, в пространстве вечности.

В мёртвой реальности не окажешься заточенным в

банку за оплошность, потому что она сама суть закупоренная в банку реальность. Попасть в плен может только свободный. И свобода нужна лишь свободному. Пленённые, которые не замечают плена, интересуются пивом, успехом и весёлыми местами. Беспокойство Ансельма им чуждо и неинтересно. Они благодушествуют, когда Ансельм надрывно кричит от ужаса. Им хорошо там, где Ансельму невыносимо.

«Мыслю, следовательно, существую», — говорил Декарт, однако очевидно, что самосознания недостаточно для уверенности в подлинности своих ощущений. Объективность самосознания законным образом попадает под сомнение. Если мы сознаем себя существующими, это вовсе ещё не значит, что мы действительно существуем.

Сказку Гофмана «Золотой горшок» перевёл на русский язык выдающийся русский философ Владимир Соловьёв, чьё наследие актуально сегодня, как никогда раньше. Эта сказка была его самым любимым литературным произведением.

2. Окошко к Богу

Другой человек для нас — это окошко к Богу, выход из собственной стеклянной замкнутости. Прежде, чем найти окно к Богу, каждый из нас должен открыться человеку, точнее — Богом в себе открыться Богу в другом человеке. Богом в себе мы должны опознать Бога в другом. Быть узванным в Боге — это и значит быть любимым. Так действует Христос в нас — делая нас богами друг для друга.

Все настоящие встречи осуществляются на территории Бога, территории подлинного бытия и риска — вне стеклянной банки. Только на свободе можно дышать, дружить, любить, действовать по-настоящему. Только на территории риска возможна и молитва.

Что высвобождает Ансельма из банки? Любовь к Серпентине и настоящая, укоренённая в любви вера. Хотя он — всегдашний неудачник, ибо никогда не попал в бобовые короли, ни разу не угадал верно чет или нечет, его бутерброды всегда падают намавленной стороной вниз, его новый сюртук непременно бывает испорчен случайным жирным пятном или разорван о какой-нибудь не к месту вбитый гвоздь. И этот недотёпа дивным образом призван тайной, ибо слышит неслышимое другим людям. Слух его, вероятно, напрямую связан с открытостью сердца, которая суть — жизнь вне стеклянной банки, на воле, и его неуклюжесть в таком случае — лишь результат инаковости, нездешности, т. е. не проклятье, как ему кажется, а, наоборот, благословение. Потому Ансельм оказывается способным принять щедрый дар судьбы — нездешнюю любовь.

Апрель, 2016

Ворованный воздух

В мире, лежащем во зле (1 Ин. 5:19), жизнь — это «ворованный воздух». Мир позволяет быть только заведомо никчёмному, мёртвому, изгоняя, выдавливая

из своего пространства всё по-настоящему ценное — живое. Жизнь — чужда миру, мир чуждается жизни.

Это надо только увидеть — что жизнь здесь незаконна. Как росточек на бетоне, она невозможна и невероятна. Но она — есть! И это самое настоящее чудо, к которому мы слишком привыкли и потому не понимаем, к примеру, почему возможно зло.

Правильнее ставить вопрос по-другому: почему возможно добро? Как в мире возможна любовь? Именно такая постановка вопроса сейчас крайне необходима. Потому что мы стали слишком расслабленными. Мы забыли главное, что должны были усвоить из хороших книжек. Мир — во зле лежит, но мы и никто другой призваны к тому, чтобы изменять этот мир к лучшему, чтобы быть проводниками добра в нём.

Нам кажется, что достаточно правильных красивых мыслей или мнений, или даже дел — раз в месяц, раз в год или, в лучшем случае, по воскресеньям. Нет, так не бывает. И если этот мир ещё стоит, то только потому, что есть те, кого не видно, но кто производит жизнь каждое мгновение. Как паук плетёт свою паутину, так праведники плетут нити жизни, пронизывая ими смерть мира, именуемую почему-то жизнью.

Когда мы усвоим, что жизнь всегда вне закона этого мира, что она всегда не от мира сего, мы станем более ответственными и более благодарными. И ещё, вероятно, мы станем более пугливыми и обретём наконец страх Божий — боязнь жизни без Бога. Ибо жить можно только в Боге.

Жизнь надо «воровать» — надо привносить жизнь,

отнимая пространство у смерти. Жизнь — это вмес-
тосмертие, вытеснение смерти из её законного про-
странства мира сего.

«Ворованный воздух» придумал Мандельштам. Правда, говорил он о поэзии: «Все стихи я делю на разрешённые и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух». Но так случается у поэтов, что сказанное ими часто является истиной в самом широком понимании. Стихи и жизнь — одно.

Блок задохнулся нежизнью. Он же поставил себе диагноз*: «Поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем». «Мразь» жизни, не вмещающей поэзию — это нежизнь.

*Считаем дни-горошины на ощупь:
Так мало света и так много тьмы...
Безмолвны опечаленные рощи
Как будто бы в предчувствии зимы.
Но дождь уходит по своей дороге,
А день привычно вертит колесо...
Луч промелькнет, как выдох: «Слава Богу!»
(И в светлый миг подумаешь — за всё).
Ю. Чечко. Финал ноября*

Дни — горошины чётков. Когда темно, люди движутся только ощупью — и хорошо, когда по чёткам.

* Эти слова сказаны Блоком на пушкинском вечере, незадолго до смерти.

*Луч промелькнёт, как выдох: «Слава Богу!»
(И в светлый миг подумает — за всё).*

Почему выдох, а не вдох? Казалось бы, луч вдохнул — и легче, мы ведь, если живы, дышим светом, без света задыхаемся. Но дыхание во тьме нежизни — это нехватка света для вдоха: «за всё» работает во тьме как очистительный фильтр. Живой человек, как и лирический герой стихотворения, чтобы дышать во тьме, вдыхает тьму, перерабатывая её во свет — и только так он может дышать.

Таково наше призвание: созидать жизнь, производя свет. Смерть преодолевается только усилием производящим жизнь. Сила обретается в немощи, когда мы понимаем, что наша жизнь — нежизнь, и что производит необходимый для жизни свет мы можем только силою Христовой, которой одаривает Господь всякого любящего Его человека. Жизнь — это Господь.

Богу было угодно сделать людей своими братьями-сотрудниками, Он призывает каждого стать проводником любви Божьей к человеку. Мы исполняем дарованной Им любовью только когда стремимся донести её до наших ближних. Передавая Божью любовь ближним, мы наполняем ею сами.

4 декабря 2015

Дорости до Песни, или Истина не для того, чтобы ею бить

Если мы к чему-то тянемся, то важен не только сам предмет нашего влечения, но и намерение по его применению. Зачем мы стремимся быть совершенными? Зачем нам святость? Зачем нам истина? Бить или любить — истиной?

Расскажу-ка я для начала ехидную сказочку на тему.

* * *

В деревне ёжиков-неофитов каждый ёжик носит с собой палку на вырост: длинную-предлинную в сравнении с реальным ростом ёжика. Каждому новопривышему вручают её для того, чтобы ёжику легче было работать над собой, следить за своим ростом.

Ежи — народ колючий, это всем известно. Общение с ними всегда чревато мелким травматизмом. Но ежи-неофиты — народ особенный, если что не по ним, они ещё и палкой могут огреть. Так что в деревне ежей-неофитов туристам делать нечего. Но как в ней выжить самим ежам?

Правило первое. Всегда помни, что перед тобой ёж-неофит, а не просто ёж. Будь готов применить палку первым — при необходимости.

Правило второе. Помни, что палка тебе дана для самовоспитания, несмотря на то, что чаще ею пользуешься для самозащиты.

Правило третье. Использование палки для нападения на других ежей, особенно ежей-неофитов, категорически запрещено.

Правило четвёртое. Не бей ежа, люби ежа — он твой брат по неофитству.

Правило пятое. Прощай ежа-неофита, если он тебя ударил, но врежь ему хорошенько, чтобы помнил, что палка есть и у тебя.

Такую инструкцию вручают каждому новоприбывшему ежу вместе с палкой. Только её никто не читает, потому что неофиты и так всё знают.

Что взять с неофита-ежа, кроме его колючек?

* * *

Мораль сей басни-сказочки такова: человек без принципов — чудовище, но живущий по принципам вместо любви — чудовище не меньшее, ибо слишком часто принципы — лишь палка, которой маленькие люди избивают больших¹. Ежи-неофиты не умеют правильно пользоваться вручёнными им критериями истины, т. е. применяют их не по назначению. А зло,

1. Хорошо это поясняет Юрий Лотман: «Сальери предан благороднейшему из принципов – принципу искусства, но ради него он перестал быть человеком. Моцарт – человек. Пушкин не раз говорил о «простодушии Гениев» (VIII, 420). Моцарт – гений и поэтому по-человечески простодушен. И так, с одной стороны, жесткая последовательность в подчинении жизни абстракциям. И чем благороднее эта абстракция, тем легче скрыть за ней – даже от самого себя – эгоизм личных страстей. С другой – свобода гения, который не втискивает жизнь в ложе догм и принципов. В высоком смысле гений выходит из этого столкновения победителем, но в практической жизни он беззащитен» (Юрий Лотман. Пушкин. Очерк творчества).

как мы все хорошо помним, — это всегда злоупотребление, т. е. некорректное пользование даром, данностью, предметами и обстоятельствами, некорректное, ошибочное, греховное отношение к другому человеку, творящее в итоге зло.

Пока человек не вырос, он думает, что истина ему дана для того, чтобы бить ею других (тех, у кого не так, иначе, по-другому — не в соответствии с его истиной). А когда вырастет, начинает понимать, что истина ему дана для того, чтобы видеть ею другого, видеть её в другом, всматриваться, вслушиваться в другого и любить его — истиной.

Именно в связи с вышесказанным хорошо раскрывается смысл крылатого афоризма Бернара Грассе: «Любить — значит перестать сравнивать». Причём, вероятно, сравнивать не только с собой и другими (тогда невозможна зависть), но и с идеалом. Сравнение ведёт к оценочному суждению, а не к радости общения, узнавания, постижения.

Более того, сравнение невозможно даже на подступах к любви, ибо если «любовь» — результат оценочного суждения и последующего за ним выбора, то это не любовь (а расчёт и корысть). У любви другая стихия, другое вещество, другое измерение, которое было хорошо знакомо митрополиту Сурожскому Антонию. И, возможно, именно в его понимании христианской жизни кроется секрет его высокой личности. «Да, свобода действительно это: состояние, когда два человека так друг друга любят, с таким глубочайшим уважением друг к другу относятся, что они не хотят кромсать друг

друга, менять друг друга, они взаимно в созерцательном положении, то есть они друг на друга смотрят как на — говоря уже христианским языком — икону, как на живой Божий образ, который нельзя трогать: перед ним можно преклониться, он должен явиться во всей красоте, во всей глубине, но перестраивать его нельзя» (Митрополит Антоний (Блум). О свободе и подвиге).

Ненависть друг ко другу, которая всё глубже входит в сердца и души даже так называемых христиан, не говоря о тех, кто не знает о Христе и знать не желает, — это реальное, действенное созидание ада. Верой своей мы должны созидать рай на земле, ибо, согласно апостолу Павлу, «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11:1). Верой мы должны прозревать в ближнем Христа и жертвовать, т. е. расходовать ему на пользу, свою жизнь. Мы своим видением в ближнем Христа, созидаем ближнего, помогаем ему осуществиться. «Любить — видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители. Не любить — видеть человека таким, каким его осуществили родители. Разлюбить — видеть вместо него: стол, стул» (М. Цветаева. Записные книжки).

Мы разлюбили Христа и только потому разлюбили ближнего. Другой человек для нас всё равно что лишний предмет — мешает, зачастую мешает только тем, что не преклоняется перед нашими ложными выводами и умозаключениями, которые мы возомнили истиной. Но ведь не Христос, а диавол в нас требует: поклонись мне! Надо бояться в себе этого промаха, этого не попадания в цель.

Самый простой способ проверить свою истину на истинность, проследить за тем, каким образом мы её применяем. Истина не для того, чтобы ею бить, но для того, чтобы любить, чтобы слышать песню сердца другого и помогать ей петься.

* * *

Горе, когда не делающие судят делающих, не знающие — познающих, стоящие на месте судят идущих, не падающие только потому, что никогда не вставали — судят упавших и встающих, мёртвые, никогда не знавшие жизни, живущие в смерти, судят смертельно страдающих в жизни.

Пустота взыскует пустоту, а полнота — полноту; знающие — узнают, а не знающие — не хотят знать. Живые оживают, а мёртвые пребывают мёртвыми, потому что выбирают смерть.

Не знающие — не знают, что не знают. Не ищущие не ищут. Не рождённые не желают родиться. И только жизнь болит в каждом живом. Жизнь — болит и поёт.

Желающих петь много — это красиво, но люди бегут от страданий и страдающих, боясь заразиться болью. Люди плюют на слабых, не зная, что песня делает слабым. Поющий силён только пока поёт. Песня — мост, как и Христос: человеческое братство возможно только в песне, но для этого надо возлюбить страдающего, как самого себя. Страдающий — тоже мост: от себя мёртвого к себе живому.

Если подменить песню, если направить жажду песни не в ту сторону, можно сильно повлиять на лю-

дей, изменить их до неузнаваемости. Человека хранит его песня.

Уважение к чужой песне — критерий человечности. Равнодушие в людях и мертвенная глупость развиваются от равнодушия к песне: и своей, и чужой. Своя песня напрямую связана с песней другого, потому что это в принципе одна песня, только спетая разными голосами. Люди порой свою болтовню ценят выше чужой песни — верный признак того, что и своя песня им мало знакома.

Разумеется, в нас есть какая-то природная подгловчатость к тому, чего не знаешь (и к голосу другого). Но в Песне, как в день Пятидесятницы, все границы между голосами-языками становятся условными, слышимость достигается каким-то иным путём — не тем, что обычно.

Любить человека — это помогать петься песне его сердца, помогать осуществляться ему в Песне и через Песню, вопрошать человека о его Песне и петь вместе с ним или хотя бы вслушиваться в него. Место встречи нельзя изменить, место встречи человека с человеком — Песня. Мы понимаем друг друга, только когда вслушиваемся в песни друг друга.

Встреча личностей возможна только на территории Песни, то есть, если не в Песне, то неизбежно — в столкновении, или же это будет простое функционирование на уровне механизма в той или иной механистической системе. Личность — надсистемна, личность — органична, а не механична.

Когда человек дорастает до Песни, он выбрасывает палку ежа-неофита, как рудимент², чтобы никого даже случайно не ударить. Песня сердца лучше и, главное, вернее хранит человека, нежели палка. Песня сердца — святилище души живущего Христом и поющего во Христе человека.

Получается, что палка — внешний критерий истинности, а Песня — внутренний. И внутренний, разумеется, гораздо более верный, даже больше — единственно верный критерий. Потому что по многим внешним критериям Христос нарушал Закон в то время, когда исполнял его более совершенным образом, чем могли понять и вообразить внешние — за что, собственно, и был распят.

7 февраля 2017

2. Рудимент — это орган, который больше не используется по назначению человеком. То есть это те органы, которые спустя сотни тысяч лет эволюции стали попросту не нужны современному человеку. Тем не менее, они развиваются у зародыша на начальной стадии. Как у слепого, так и у неофита фокус внимания — на кончике палки, которой он ощупывает мир по причине слепоты. Он органично срастается со своей палкой, как с истиной и считает её частью себя.

Два метода – два ума

...«Птицы» и «лягушки» — враги непримиримые, они не сойдутся никогда. История противостояний насчитывает десятилетия, но сами «военные» действия не происходят, т.к. оппозиционные группировки находятся в разных измерениях...

1. Внутренний компьютер

Когда-то в школе, уже в старших классах, я решила попробовать написать сочинение, «как все» — обложившись книгами. Оказалось скучно, и я с затруднениями потом возвращалась в привычную колею. До того всегда писала «из головы», из каких-то глубин, которые вбирали в себя некую информацию, а потом отдавали её переосмысленной. Во мне трудился какой-то внутренний компьютер, а не я. Вероятно, это была уже работа личности, которая разовьётся гораздо позже. Но функция этой личности, отвечающая за осмысление действительности и написание текстов, действовала уже тогда, не особо нуждаясь во мне самой.

Этот опыт закреплялся другими интересными случаями. Один произошёл на уроке русского языка (по внутренним ощущениям это было классе в пятом-шестом-седьмом). Я не выучила правило, но выдумала его тут же, на уроке. Учительница похвалила результат: сказала, что сформулировано иначе, другими словами

(не теми, что в учебнике), но верно.

Другой случай произошёл на уроке физики. Как ни странно, моя гуманитарная голова оказалась способной понять без изучения по учебнику какую-то тему — кажется, что-то из механики. И не просто понять, а написать по ней контрольную и получить оценку «отлично». Меня нередко забирали на всевозможные олимпиады и конкурсы, и вот после очередного такого пропуска я пришла в школу как раз на контрольную по физике — пришлось задуматься.

* * *

Вспоминаю антифашистский рассказ Андрея Платонова «По небу полуночи», там есть эпизод, когда главный герой Эрих Зуммер, немецкий лётчик, перешедший на сторону Испанской республики, спасает едва живого испанского ребёнка, найденного в пустом и безлюдном доме. Ребёнок, оставшийся без попечительства родителей, ошеломлён ужасом жизни. Его «большие глаза ... были широко открыты, как утренний рассвет, но они глядели пусто, точно в них было безоблачное, равнодушное небо». Мальчик «вынужден забыть всю природу и всех людей, чтобы сжаться в жалость своего безумия, как в единственную самозащиту своей жизни».

Платонов рисует спрятавшегося в безумие малыша, который помалу движется от мертвенного окаменения (даже забыл как едят шоколад) к сумеречной жизни, ощутив душевное участие неравнодушного человека. «Поговорив, мальчик умолкал, как бы вслушиваясь, что ему говорит что-то изнутри его души, и опять начинал

быстро говорить в ответ кому-то».

Вслушивание в свои глубины, когда «говорит что-то изнутри души», этот диалог с самим собой почти утраченного рассудок ребёнка, есть разговор всё с тем же внутренним механизмом, заложенным в человека Творцом. Он жив в нас, но, вероятно, замирает, когда мы утрачиваем признаки жизненной нормы.

* * *

Того же рода внутренний компьютер работал и в великом Менделееве, когда тому приснилась Периодическая система элементов. Его ум (мозг) был достаточно развит для приёма такого рода сновидения, но всё же это было сновидение.

Подобного рода «открытия» в науке — не редкость. Не зря Эйнштейн говорил, что интуиция — это священный дар, а рациональное мышление — покорный слуга. Разумеется, и дар, и слуга одновременно служат делу творческой личности, но не в равной мере, причём доминантная сила у каждого своя.

Поэты пишут свои стихи также с помощью инструмента сознания, который мы условно назвали внутренним компьютером, потому что он работает автономно от сознания и выдаёт «на-гора» порой самые неожиданные результаты.

И вот что любопытно: бывает, что внутренний компьютер человека — одно, а личность его — совершенно другое. Так, близко знавший Николая Лескова в последние пятнадцать лет его жизни В. Л. Величко утверждал: «У человека, ставшего писателем, появляется как бы вторая духовная природа, управляемая собственными

законами и большею частью стоящая выше личной натуры того же человека, с которою он ведёт ожесточённую борьбу. Например, Лесков был очень физический человек, с кипучими страстями и нравственным обликом материалиста, а в литературе он являлся одним из крупнейших представителей идеализма» (Жизнь Николая Лескова. А. Лесков).

2. «Птицы» и «лягушки»

Татьяна Черниговская, учёный-психолингвист и нейробиолог, как-то заметила: «Птицы и лягушки — враги непримиримые, они не сойдутся никогда — я это наблюдала». Она имела в виду взаимное неприятие генеративистов и функционалистов (последователи противоборствующих теорий познания). «История противостояний насчитывает десятилетия, но сами военные действия не происходят, т.к. оппозиционные группировки находятся в разных измерениях, и даже факт значимости противника и возможность реальной борьбы не признается обеими сторонами».

Собственно на «лягушек» и «птиц» разделил учёных американский физик-теоретик Фримен Дайсон, себя причислявший к лягушкам. Первые по его мысли приспособлены разглядывать конкретные детали и последовательно решать задачи одну за другой. Вторые (т. е. птицы) — парят высоко в небе и обозревают с высоты огромные пространства, достигая прозрений.

* * *

Нечто схожее происходит со всеми нами: мы как бы на разных видах топлива работаем, идём к разным

целям и разными путями; от причастности к разным вещам испытываем счастье. Есть пути и цели сравнительно более внешние, есть более внутренние; и сила для их прохождения и достижения нужна различная.

Противоборство этих сил можно наблюдать на самых разных уровнях и в самых разных сферах человеческого существования. Писатель Андрей Платонов, соединявший в себе тех и других, на мой взгляд, является описателем как раз этой борьбы. Пишет он от имени «птиц», но при этом своим «птичьим» зрением он видит отдельного человека, различает в нём сокровенное и за него бьётся с безличными и обезличивающими стихиями, кои, воцарившись в людях, творят много безобразий.

Вспомним фрагмент из «Котлована»:

— Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Вощев?

— О плане жизни.

— Завод работает по готовому плану треста, а план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или в красном уголке.

— Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка.

— Ну и что ж ты бы мог сделать?

— Я мог выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

— Счастье произойдёт от материализма, товарищ Вощев, а не от смысла.

Но Вощев, как мы помним, слабеет от потери смысла.

Ему без истины «стыдно жить», потому он теряет жизненную силу и работоспособность, если не помнит смысла. Его-то и уволили «с производства вследствие роста слабосильности в нём и задумчивости среди общего темпа труда».

Другой персонаж Платонова делает многозначительное замечание: «Некуда жить, вот и думаешь в голову»...

Актуален для наших дней Платонов, человек снова зажат со всех сторон, и давят его опять нешуточно. Чехов советовал выдавливать из себя раба, а теперь выдавливают человека, раба же оставляют.

Дар, по большому счёту, всегда не только наличие чего-то, но и отсутствие; это не только одарённость, но и уязвимость. Человек вообще — уязвим. Чтобы быть и оставаться человеком, особенно в лихолетья, надо внимательно вслушиваться в свои глубины, подобно обездоленному малышу из рассказа Платонова, ибо «длительные страдания ведут к изменению сущности» (Марсель Пруст).

* * *

Боюсь что-либо утверждать, но предположу, что известные литературные антиномии вроде «Цветаева — Ахматова» или «Флобер — Стендаль» происходят из того самого различия типов внутреннего компьютера, т. е. читатель, как потребитель текста, выбирает себе более родственное «питание», соответствующее «генеральной линии» его души. По тому же принципу ученик выбирает духовного учителя, а учитель — ученика.

21 сентября 2016

Поэзия — самая точная вещь на свете

Люди рационального склада ума порой пренебрежительно относятся к поэтам и тому, что можно назвать поэтическим видением мира, поэтическим опытом. Мол, поэзия — это нечто бесполезное и фантазмагоричное, несуществующее, не имеющее отношения к реальности.

И совершенно напрасно, поэзия — самая точная вещь на свете. В некотором смысле я точна ровно настолько, насколько поэтична, причём точность эта не является результатом многих знаний, кропотливых расчётов и сопоставлений. Поэтическая точность — здесь и сейчас, она всегда — откровение, вспышка полноты знания и целостности. Техническими приёмами лишь восполняется неполнота опыта и невнятность слышания.

«Что такое поэт? — вопрошает Блок. — Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт. Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок

мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу» (О назначении поэта).

Поэт пишет гармонию с природы, он её не придумывает, не создаёт, комбинируя так или иначе слова, а просто записывает видимое, осязаемое. Слова он подбирает по принципу соответствия воспринятому. И вовсе не рифмы — главная особенность поэзии, а глубина и полнота видения, точность и масштаб произведения.

«Во время Данте было принято разделение на „поэтов“ и „рифмачей“. Поэтами — *poeti* — назывались те, кто писал на латыни, классическими метрами и, следовательно, без рифмы. А те, кто писал на народном языке и с рифмами, назывались *rimatori*, „рифмачи“. Иерархия понятна: те, кто писал без рифмы, ставились выше. Предполагается, что рифма появилась не в латинской поэзии, а в прозе — как одна из риторических фигур. Почему в прозе? Для поэзии этот приём казался грубоватым. Поэзия требовала более сложных ходов, более тонких переключек. В сложно устроенных строфах рифма звучала бы как какая-то погремушка» (Ольга Седакова. Что такое музыка стиха?).

Поэзия — это феномен со-знания, находящегося в своей высшей точке — в момент откровения, а потому поэт знает о мире нечто важное, сокровенное. Поэт как поэт гораздо умнее себя как человека. Может быть, мы являемся настоящими человеками ровно настолько, насколько поэтичны. То есть, наша точность по отношению к воплощению замысла о нас Творца находится в прямой связи с поэзией.

Что такое сознание* можно понять на примере, которым пользуется английский математик Роджер Пенроуз (в скобках заметим, что любое искусство, любая наука, тем более философия, в высшей своей точке соприкасаются с поэзией). Объясняя разницу между человеком и машиной, Пенроуз задаётся простым вопросом: сумма каких двух чётных чисел равна нечётному? Очевидно, что два чётных числа в сумме всегда дадут чётное. Так вот, человек понимает это сразу, без вычислений, а машина — нет, машина будет производить бесчисленное количество вычислений снова и снова. И всё потому, что машина не обладает сознанием в отличие от человека.

Сознание не алгоритмично и включает в себе т. н. «актуальную бесконечность», в противоположность «дурной бесконечности» машины (М. Мамардашвили). Актуальная бесконечность — это некая мгновенная полнота. В этом контексте мысль и протяжение противоположны друг другу.

Но можно «мыслить» иначе, механично — т. е. стереотипами. От того органично или, наоборот, механично мыслит человек, когда оценивает то или иное

* Один из отцов современной психологии Уильям Джемс, американский философ и психолог, определял сознание как единый и цельный процесс восприятия: сознание не вещь, но состояние и процесс; сознание индивидуально и всегда на что-то направлено; сознание — это совокупность представлений. Советский и российский учёный-физик С.П. Капица, в последние годы занимавшийся проблемами демографии, сознанием назвал коллективное взаимодействие всех со всеми, которое присуще человечеству как единому целому.

явление, когда вступает в общение с другими людьми, с миром, зависит глубина и точность его восприятия. Механичность экономит наши силы, но и застилает глаза, делая нас слепыми ко всему новому, оригинальному и неожиданному. Действуя механично, мы остаёмся бессознательными, не включёнными, но и быть включённым всегда — невозможно: быстро сядут «батарейки».

Тем и отличается настоящий поэт, призванный на служение, что включён более других, мимо него ничто настоящее не проходит. Поэт живёт очень интенсивно, плотно, а потому совершенно беззащитен перед напором травмирующей реальности, особенно во время войн или других бедствий.

Кто-то из современников вспоминал, как Цветаева на занятиях по гражданской обороне с ужасом смотрела на противогаз, вызывая недоумение своей избыточной на взгляд обывателей реакцией. Дело в том, что поэт внутри живёт настолько напряжённой жизнью, что у него не остаётся сил на внешнее выживание в ужасах лихолетий. Поэт всецело отдаётся тому, к чему призван — гармонизации, и его служение всегда энергоёмко, ибо он общается с реальностью напрямую, без опосредования стереотипов. Поэту всё в разы труднее, страшнее и больнее, чем обычному человеку, потому что он соприкасается с реальностью гораздо большей площадью своей души. Потому в обычном противогазе Цветаева могла увидеть (предвидеть, предугадать) страшное будущее — все грядущие тяготы своей и общенародной судьбы.

Показателен и случай из жизни художника Левитана, который чем-то сродни выше приведённому о Цветаевой. На экзамене по анатомии профессор Тихомиров — красивый человек — держит в руках череп человека.

— Ну-с, возьмите вы череп, — предлагает профессор Левитану.

— Не могу, — отвечает Левитан.

Тихомиров удивлённо смотрит на него:

— Почему не можете?

— Это ужасно! Это смерть! Я не могу видеть мёртвых, покойников...

Выручил профессор Петров. Засмеялся и заметил, показывая на нас:

— Они — пейзажисты. Почему их внесли в списки? Им нужно писать с натуры природу. Теперь май, весна, ступайте (Из воспоминаний К. Коровина).

Поэт и художник в данном случае представители единой творческой братии не от мира сего. Они оба — поэты в своём деле, поэты и в мире. Понять как они смотрят на вещи могут только близкие им по счастью со-поэты, которые и стихов-то может не пишут. Чужаковатость таковых — обратная сторона их одарённости, требующая хотя бы снисходительности.

Циник не может быть поэтом, — утверждала Цветаева. Быть может потому наше циничное время охладело к поэзии? Люди утратили потребность в поэзии, стали невосприимчивы к ней. Отчасти это вина издателей, которые в погоне за барышами пренебрегают всем, что неинтересно и недоступно широким массам

покупателей. Воспитанием ума, вкуса и чувств сегодня не занимаются. «И зачем только поэты пишут свои стихи, если их никто не покупает?» — вопрошал один издатель. И правда, зачем?

«Поэт есть ответ», — как бы отвечает ему Марина Цветаева. «Стихотворение — это обретшая целостный образ тоска Я по иному», — Пауль Целан. «Грусть мира поручена стихам», — Георгий Адамович. «Поэт всегда разговаривает только с Богом», — Белла Ахмадулина. «Задача поэта — гармонизация мира», — Иосиф Бродский. «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке», — Самюэль Кольридж. «Слова поэта суть уже дела его», — Константин Батюшков. «Поэзия — это чувство собственного существования», — Марсель Пруст. «Поэт есть тот, кто хочет то, что все хотят хотеть», — Ольга Седакова.

Напрасный труд убеждать того, кто живёт в иной системе координат, в своей правоте, и всё же я скажу: поэзия — не только самая точная, но и самая ценная вещь на свете. Невосприимчивость к поэзии свидетельствует о том, что мышление людей всё более становится устроенным по принципу «дурной бесконечности» машины. Мы теряем свою человечность, перестаём быть челом, устремлённым в вечность.

И поэзия наша становится не столько откровением, сколько вариацией того или иного набора стереотипов — «дурной бесконечностью» машины.

А ведь поэзия — это чудо созидания, чудо реального сотворения жизни. «Поэзия есть то, что сотворено и, следовательно, не нуждается в переделке» (Теодор де

Банвиль). Не зря умудрённые опытом поэты предостерегают молодых от того, чтобы живописать свою смерть. Разумнее писать жизнь, потому что написанное поэтом скорее всего сбудется.

*Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!
(Марина Цветаева. Поэты, 1923)*

Чудо преображения обыденности в бытие словом — вот что такое поэзия. И в этом смысле она — ответ на вопрошание жаждущего преображения мира.

Поэт живёт на границе миров, в этом его сила и его уязвимость, его величие и возможность падения. Поэт — это предстоящий перед Реальностью, а Реальность — это Бог («Я есть Сущий»!).

Как это близко к христианству! И не удивительно, древние греки, как и мы, называли Бога ὁ Ποιητής (poiētēs), в переводе на русский — Творцом. «В самом начале Символа веры говорится: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». По-гречески же первый член Символа веры звучит так: Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν, Πατέρα, Παντοκράτορα, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀορατῶν.

Интересно, что это практически то же самое слово, что и русское слово «поэт». Древнегреческое ὁ Ποιητής образовано от глагола ποιέω (poieō), что значит «делать»,

«совершать», «творить». То есть, поэт — это тоже творец, в своём поэтическом творчестве создающий новые миры. Только Бог является — главным, единственным подлинным Поэтом» (Юрий Пущаев).

Христианское богословие — высшая форма поэзии. Всякий реально живущий во Христе христианин — неизбежно поэт, его мировосприятие сродни поэтическому, только более устойчиво и основательно. Во Христе искра сознания, вспыхнувшая от соприкосновения с Реальностью, может длиться дольше, гораздо дольше (а в конечном итоге, вероятно, — вечно), ибо живущий Христом более вынослив, более пригоден для усвоения высоких энергий и менее уязвим.

«Когда ты выбрасываешь из себя своё „я“, в тебя бросается Христос», — говорит (прп. Паисий Святогорец). Нечто подобное должно произойти и с поэтом для того, чтобы он создал что-то настоящее: он должен потерять себя, чтобы найти поэзию, потому что «поэзия — не высвобождение эмоций, но побег от эмоций, не выражение личности, но устранение личности» (Томас Стернз Элиот). В том смысле, что всё поверхностное и низменное, животное (ветхое), всё корыстное хотя бы отчасти — то, что только моё и только для меня — должно быть оставлено «за дверью», вне пределов поэтического тайнодействия.

Стоит вспомнить описание призвания Богом на служение Моисея: «Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиамского. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из

среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я, [Господи]! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. И сказал [ему]: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога» (Исх. 3:1–6).

Безусловно, не стоит сливать воедино и смешивать различные способы служения Творцу, однако общее между ними есть уже хотя бы потому, что призывает всегда Сам Господь, и призванный так или иначе входит в общение с Ним. И смирение перед величием Того, с Кем говоришь, необходимо каждому призванному.

Любой художник, прошедший искус в своём ремесле, непременно обладает той или иной формой смирения. Не обязательно самого высокого, совершенного, которое имеют в виду христиане, но всё же смирения. Творческие дары без этого не даются.

Правда, некоторые мастера умудряются своими силами вышколить себя до такой степени, что становятся воистину мастерами своего дела. Таким, к примеру, по мнению многих был поэт Валерий Брюсов. Устойчивая характеристика его творческого и индивидуального облика — «сальерианство».

Тема «моцартов» и «сальери» в некотором роде — ключевая, содержащая в себе отмычки ко многим

проблемам творчества. Для нас сейчас важно открытое Пушкиным «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Отчасти о том же свидетельствует Бродский, когда говорит: «поэт стремится не к признанию, но к пониманию». Другими словами, поэт стремится к общению в том роде, к которому имеет жажду. Он стремится к подлинности.

Чтобы добыть истину, философ как бы бежит наперегонки с собственной тенью, где тень — обыденные представления. А поэт, наоборот, замирает от восторга. Он уже здесь, он — созерцатель, живущий для того, чтобы созерцать и записывать увиденное. Он жив тем, что созерцает, и его призвание — не просто передать свой опыт, но внушить его, заразить им.

Поэт владеет не знаниями, а опытом встречи с Реальностью, опытом собеседования с Ней. В его произведениях, как на сердце святого, должен отражаться высший закон бытия — Любовь.

13 ноября 2015

«Человеки»

Стихи

Неподъёмное слово...

Неподъёмное слово... Не знают как тяжесть легка:
неподъёмное небо несёт на себе облака,
проливаются ливни из слов непрерывной рекой —
кто силён удержать непрерывный поток и покой?

Всё течёт, убегает — спешат беззаботно ручьи:
тяжелы лишь слова, что заведомо лгут и ничьи.
Занавешена тайна не шторами — просто водой,
зачерпни на бегу, становясь неизбежным собой.

Неподъёмное слово само поднимается ввысь,
оперяя заведомо верную пленную мысль,
награждая свободой свободу дорог в небесах,
и теряя при этом свободы заведомый страх.

8 октября 2019

И Тебе среди нас одиноко, Господи...

И Тебе среди нас одиноко, Господи —
знаю, это моё одиночество и есть Ты.

Если вынуть Бога, не так одиноко будет, —
сказал старик и умер.

Если выйти из Бога, забудешь зачем Он был.

Вот дорога, по ней идём мы вместе:
я и Бог. И обоим известно, чем кончится ожидание.

Нет других дорог, кроме ведущих в Бога,
но мы умудряемся строить такие дороги,
чтобы сбежать от одинокого Лица,
который верит.

Лик — верит, лицо — не верит. И то, и другое
просит меня быть им.

Но мне лучше здесь, с Тобой, Господи —
без себя.

Может поэтому так одиноко Тебе с нами?

27 октября 2019

Большое сердце

А. Платонову

Большое сердце больше всего мира —
оно одно у человека с Богом.
Бери его себе и доминируй:
страдать другими дар совсем немногих.

Большое сердце не вместить вселенной:
она от ужаса свернётся в точку.
И только личность ставит многоточье,
где слёзы в камень превратили тленных.

Большое сердце — птичка на распутье:
куда лететь оно понять не может.
Боль рвёт его на мелкие лоскутья,
она повсюду — поиск невозможен.

22 января 2017

Человека никому не надо...

Человек не нужен никому:
ни себе, ни другу, ни врагу.
Невозможна Божия отрада —
человека никому не надо
для себя, для друга ли, врага... —
человеком разве что пугать.
Человеком Бог глядится в стужу,
и зовёт душой торчать наружу.
Нет, не надо — было да прошло:
человеком быть почти грешно.
Все берут деньгами — деньги в душу
не глядят, покой её не рушат.

* * *

Человек не нужен никому:
ни себе, ни другу, ни врагу...
Невозможна Божия отрада —
человека никому не надо:
ни себе, ни другу, ни врагу —
невозможен он в людском кругу.

8 октября 2019

Расслоились на касты и думаем «вот заживём!»...

Расслоились на касты и думаем «вот заживём!»,
против каждого каждый построил свой каменный дом,
против ближнего ближний отчаянно ставит забор,
сквозь заборы свободны ходить лишь святой или вор.

Тот и этот — не наши, не вхожи ни в касту, ни в дом,
потому что опасны. Ну как мы при них заживём?
Тот и тот отнимает, любить лишь себя не дадут.
Но святому всегда мы готовы дать пищу, приют...

Пусть докажет, конечно, сначала, что он не бандит,
что напрасно не в доме ближайшем к забору сидит,
что своё не хранит потому что святой, а не вор,
и мы тут же откроем и дверь, и сердечный затвор.

Он идёт стороной? Не решился зайти и на час —
лишь принёс нам волнение своим посещением нас.
Видно, вор и злодей, раз страшится — проверка проста:
ни забора, ни дома у тех, кто достоин креста.

29 октября 2019

Примерьте слово — вдруг и вам к лицу?

Примерьте слово — вдруг и вам к лицу?
Не модно — разве? Все берут на случай.

Оно навстречу своему истцу
спешит,
чтоб не был он другим заучен,
затаскан, вызубрен.

Примерьте слово,
оно для вас уже
почти готово!

Никто при нём
не будет мёртво-скучен —
носитель слова значитесь везучим.

Забудете?
Оно восполнит вас,
само узнает в профиль и анфас.

12 октября 2019

Листья обрывает ветер злобно...

Листья обрывает ветер злобно —
кто его обидел в час осенний?
Ветви гнутся, листьям неудобно
падать в ноги слишком откровенно.

Осень бродит меж дерев, сутулясь —
принимает подать золотую.
Травы церемонные шатнулись,
подставляясь ветра поцелуям.

Существую! — говорит забвение
всем, кто жалуется на жестокость ветра.
Вновь порыв — ещё одно сражение:
осени добыча будет щедрой.

12 октября 2019

Имена вещей — святы...

Имена вещей — святы,
и будут на небо взяты
Небом.

Имена вещей в мире
доверились Слову —
не олову.

Имена вещей — птицы:
в них всё глядится
как в зеркало.

Имена небом заняты
и станут хлебом
занятых.

30 сентября 2019

Имя, пущенное по рукам...

Имя, пущенное по рукам —
словно карта шулеру в рукав.
Воздержись хватать его без дела,
имя — жизнь, которая летела.
Имя — слава, незачем бесславить
то, что не сумели отщеславить.
Имя — рай, но может стать и адом:
жизнь и смерть всегда хранятся рядом.
Занавеска имени — личина —
всех времён защитная причина.
Имя — молния, и пусть сожжёт пустое;
пусть зима нарядится весной,
пусть холмы покажутся горами —
лишь бы имя повстречалось с нами.
Имя — взгляд и путь, дорога сердца,
как же быть ему в плену инерций?
Имя — воздух, им питают силы
все, кому смешны права могилы.
Жизни имя — не дорога смерти,
а всего в нездешнее конвертер.

30 сентября 2019

Океан — океану

Океан не разделишь, не делится океан,
океан — океану: единственный диалог.
Океан с океаном — вещественный жизни роман,
океан в океане создать беспредельное смог.

Океан — не один, с океанами он океан,
и не знает тоски, всегда окружённый водой.
Океан океаном на встречу заветную зван,
где становится он не просто водой, а судьбой.

27 сентября 2019

Когда приходят те, кто лучше нас

А. Платонову

Когда уходят те, кто лучше нас,
нам остаётся жалкое участие,
намёк на вероятности и счастье
и труд, чтобы светильник не погас.

Всегда уходят те, кто лучше нас,
мы остаёмся, чтобы верить правде
полуоткрытых истин, снов и глаз,
росе на недозревшем винограде.

Вдруг птицепадом вскрикнут небеса,
и прямо в глотки полетят нам птицы,
чтоб осветить нутро и голоса
и загасить болотный свет амбиций.

Так вновь приходят те, кто лучше нас,
наметив путь своим сердцебиением.
Мы создаём из них иконостас,
и ходим на причастье с упоением.

15 ноября 2016

Прожектор или луч?

Прожектор или луч?
О, разница большая!
Луч солнечный — певуч,
ни в чём не застревая,
летит прямой стрелы
всегда навстречу свету.
Прожекторы — смелы,
ложь делая предметной.
Не факел, не фонарь —
простой и честный лучик —
всесолнечный тропарь,
что небесам созвучен.
Гляди, он весь — полёт,
ничем не омрачённый,
раз солнца свет несёт
на купол золочёный.
Горит своим огнём,
сияет — слава Богу! —
вздых сердца ясным днём
на фоне голубого.

21 сентября 2019

Вороньё

Чёрный рот и чёрные глаза,
что вы доброго могли сказать?
Голос злобы так привычно густ —
он вгоняет поколения в грусть.
Память детства, слёзы на лице —
а потом опять берёт в прицел.

19 сентября 2019

* * *

Черно твоё враньё —
черно, как вороньё.

30 июля 2018

Подставив ладошку, как сердце...

Подставив ладошку, как сердце,
и сердце, как ладошку,
ты приняла на ладошку птичку.

Зачем?

Чтобы дать ей зёрен?

Чтобы разглядеть пташку,
любясь ею?

Пернатая нежность —
случайная гостья —
вот-вот упорхнёт,
не сказав «Прощай!».

Но она будет помнить
тепло твоих ладоней.

15 октября 2018

Шар и круг

Не вписывай меня в свои круги —
я — шар, не круг, и не вмещаюсь в стаи.
Твои заборы чересчур строги,
дома твои — для тучных кур сараи.

В них не живут ни радость, ни печаль —
там жизни призрак теплится случайный.
Во всём твоём царит горизонталь,
и места нет для зова вертикалей.

Ах, этот скучный, глупый, плоский мир,
пророк идей, которым счастье вчуже —
там вместо воздуха забот пунктир,
и вместо света сумрачность лачужек.

Не вписывай меня в свои круги:
я — шар, не круг, мои квартиры выше.
Слова мои, осколки литургий,
летают смело птицами над крышей.

15 сентября 2019

Молнию обидели

Разве вы не знаете? Разве вы не видите?
Разве вы не слышите? Дождь.
Молнию обидели. Молния раскидистой,
всех ветвей раскидистой — сплошь
сполохами, стайками, искорками тайными,
яркими восторгами торг.
Множится отчаянье далями ничейными —
поселился в прожитом вор.

7 сентября 2019

Солнце-лейка поливает город...

Солнце-лейка поливает город
не дождём, а светом и теплом —
запотевших душ незримый холод
тает, как мороженого ком.

Летняя простуда уступает
скромному осеннему огню:
каждый пеший в солнце утопает.
Я, как голубь в стае, гомоню

с лучиками — братьями по крови,
небу шлю свой радостный «курлык».
Листьев ткань становится багровой,
предвкушая журавлиный крик.

5 сентября 2019

Твоё сегодня

Сперва «Осанна», а потом «Распни» —
по кругу год за годом, час за часом.
Скорбящий сумрак утренний приник
к Его плечу, и на лице гримаса
в тени сокрылась. Полночь на душе:
в глазах рассвет ещё не начал службу.
Пусть каждый тела вдох уже тщедушен,
печаль к нему взывает: обмани!

Пускай подремлет радость в ярких снах,
Ты знаешь всё, что пережить не в силах
ни день, ни ночь, ни завтра, ни вчера.
Приснись — все спят: ещё Твоё сегодня.

4 апреля 2018

Я не тот, кто уходит, а тот, кто всегда остаётся

Я не тот, кто уходит, а тот, кто всегда остаётся.
Безнадёжное дело — забывчивый сад посещать:
если зимнее тело с весеннею песней сольётся,
кто-то тут же начнёт своё зимнее зло вымещать.

Птицы жаждут не песен — для песен наш мир
слишком тесен —
ищут птицы того, кому песня как воздух нужна,
и поют от любви для того, кто причина всех весен,
и поют для того, кому мертвенность зимних чужда.

Я не тот, кто уходит, а тот, кто всегда остаётся:
безнадёжное дело — забывчивый сад ублажать.
Знаю песня моя, словно птица, однажды вернётся,
если в зимнем саду отыщет весны благодать.

26 апреля 2018

И вам бы хотелось, чтоб я поднимала горошины...

И вам бы хотелось, чтоб я поднимала горошины
бесмысленных слов, что бросаете гордо губами,
а я жемчугами слов вечных, как звёзды непрошенных,
уж вышила реку, зажатую слов берегами.

Вы пьёте не воду, а песню надмирных движений,
когда поднимаете взором алмазы рассветов
и слышите грохот бесчисленных молний (рождение
неслышимых слов) как трепетных радуг советы.

А мне бы хотелось, чтоб мы говорили молчанием —
слова чемоданами носят лишь призраки звуков.
Я знаю все реки, а вы берегов очертание
назвали рекой, считая шаги близоруко.

28 августа 2019

Короткостишия

* * *

И мы — подобие шкафов:
хранилище вещей не для себя...

24 октября 2017

* * *

Чужие крылья не дают покоя
тому, кто крыльями не болен.

31 октября 2016

* * *

Мы все похожи
чем-то
на кого-то...
И на себя похожи —
чутьочку
совсем.

24 июня 2011

* * *

Люди падают
по-разному:
кто-то вниз,
кто-то вглубь,
кто-то ввысь.

8 июля 2011

* * *

Оскорбил, и думаешь — взлетел?
Не смейся, у мухи тоже — крылья!
25 февраля 2019

* * *

Глупец сказал: Я видел мудреца.
Спросить бы надо: А с того ль конца?
04 октября 2018

* * *

«Враг» и «друг» — похожие слова.
Враг — драг — друг. Друг — драг — враг.
3 августа 2018

* * *

Да с чего вы взяли,
что Бог меня задумал
в согласии с вашей злобой?
2 августа 2019

* * *

Сколько рек! И все — в моё окно: реки-люди.
Люди — это реки. Бесконечны, хоть и человеки —
мы о вечных в душных залах судим.
10 марта 2019

* * *

Встречаемся с другими по подобию,
и расстаёмся по несовпадению.
Любовь привычно превращаем в фобию —
прощания сопутствуют падению.

5 февраля 2018

* * *

Что толпа, что трава, что бревно —
всё равно;
человека ищу с Диогеном давно,
с Ницше Бога ищу, со святыми — Христа,
вновь и вновь ухожу в дальний путь
неспроста.

2 ноября 2016

* * *

Разлетелась на всю Вселенную
частицами и птицами,
собирая в ладонь нетленную
восполненное лицами.

2 августа 2019

* * *

Вчерашним ужином не будешь сыт,
вчерашнюю победой не будешь жив.
И день вчерашний вроде не забыт,
но день сегодняшний бездарно лжив.

9 мая 2017

* * *

Всё золото — посередине,
а я всё время на краю:
по неизвестной мне причине
лишь так я искрою горю.

29 октября 2017

* * *

У мёртвых не просят какой-нибудь жизни,
какой-нибудь веры,
у мёртвых не сыщется то, что заведомо здешнее.
У них только мысль, что умеет сквозить сквозь барьеры,
и то, что светилось — что было хоть капельку вешнее.

23-27 марта 2019

* * *

Когда искал, боялся потерять.
Когда нашёл — не знаешь как отдать:
теряет, кто не отдаёт.
Кто есть всегда — всегда грядёт.

29 октября 2017

* * *

Мне мир огромный — только келия,
В ней отлучаюсь от неверия,
От самоволия и сомнения,
И в покаянии ищу прощения...

1998

* * *

Мои туманы — только для меня,
лучи мои, летящие из Сердца,
сквозь сердце в сердце,
может быть, для всех.

23 января 2018

Обратный ход

Обратный ход,
движение назад —
не развернуться,
а свернуться в точку,
пройти сквозь звук
взорвавшегося мира,
и ввысь и вниз взглянув,
уйти в глубины,
чтоб непорочность мира
пригласить
на званый ужин
накануне горя.

24 октября 2013

Это правда, которая знает себя и границы...

Это правда, которая знает себя и границы,
управляет крылом оперившейся в ужасе птицы.
Нескончаемой дрожью, растущей травую — вот перья! —
пролагались пути сквозь пустые людские поверья.
Перья стайкой летают на выбранной мужеством птице
и встречают полёт как тайные сердца зарницы.

15 августа 2019

Собери в ладошку слёзы и грёзы...

Собери в ладошку слёзы и грёзы,
словно бусину к бусине — будут бусы.
Нарядись виноградом — Божии лозы
предлагают ткани на разные вкусы.
Опрометчиво думать, что всё уж спето,
раз вино поспело и тучи-думы
затянули туже одежды лета,
услыхав осенний напев угрюмый.
Собери в дорогу неволю будней,
пусть они устанут и будут сыты.
Судьбам повзрослевшим полёт нетруден,
даже если пледом полнеба скрыто.

7 августа 2019

Они сказали: «Нет!», а ты сказала: «Да!»...

М. Ц.

Они сказали: «Нет!», а ты сказала: «Да!»,
шагая напрямик, как делала всегда.
Они закрыли путь, но ты пошла крылом —
летела ввысь, как в дом, не помня о былом.
Они сказали: «Да!», но ты сказала: «Нет!»
и возвратила свой истрёпанный билет.

25 августа 2019

Души жёсткие, как щетина вепря...

Души жёсткие, как щетина вепря,
зачем вам Луч?
Под его шифоном не скрыть колючек.
Люди — не яблоки из воска,
их нельзя нанизывать на принципы.
Если б вы нуждались в свете,
мёртвость не росла бы в сердце.
Ощетинились тленом и хотите
погасить чужое солнце — зачем вам Луч,
души жёсткие, как щетина вепря?

2 августа 2019

Когда устали руки ненавидеть

Опять споткнулся мир — меня пленяя,
ему нужна немирная сноровка:
я — глупая, ловить меня неловко.
Быть роковым — ошибка роковая.

Склонись, судьба застыла в ожидании;
закрой глаза, чтоб лабиринт не видеть.
Когда устали руки ненавидеть,
склонись для молчаливого страдания.

Или сражайся до потери смерти
за правду тех, кого всегда терзают,
кого посмертно только лобызают
и люди, и живущие в них черти.

14 августа 2019

По кругу

Они по кругу бегают, по кругу,
и потому не чувствуют друг друга —
не ощущают близкого другого,
далёкого от внешне кругового.
Невидящие внутренне — не знают,
лишь бегая по кругу умирают.
Их жизнь — арена, всё бежит по кругу,
иной регламент ими же поруган.
Но вечности пора остановиться:
не лошади они, а ясновидцы.

1 августа 2019

Мир висит на живых гвоздях...

Мир висит на живых гвоздях —
чужая жилетка,
если вынуть гвоздь,
жилетка окажется клеткой.

Если вынуть мир,
останутся только гвозди —
на распутьях снов
торчат мировые кости.

24 июля 2019

Я примерила эти крылья...

Я примерила эти крылья,
мне к лицу оказались перья.
Хоть крылата ими теперь я,
всё равно остаюсь пылью*.
Разве глина иначе летает?
Я песком в кулаке сжата.
Глина глине напоминает,
что сама во всём виновата.
Взгляд воды рубежом дальше —
льдом покрыла она строчки,
чтобы не было в них фальши.
Жизнь давно перешла прочерк.
Заходи, небеса просят
подышать на ладошки чуда.
Не гляди на свою проседь —
мы в лучах танцевать будем.

30 июня 2019

* Сравн. «земля еси и в землю отыдеши» (Быт. 3:19)

Я не погасну, а зайду за горизонт...

Я не погасну, а зайду за горизонт,
как солнце — тьма настанет без меня.
В судьбу ворвётся свет — сердечный зонд,
частицами безмерности во мне звеня.

Обычай возвестит начало новых дней
с той стороны, где всё — песок сверкающий.
Найду ль опору для себя верней,
чем образ Твой в меня стихом врастающий?

Игра теней закончилась, и путь устал
носить чужие призраки дорог своих.
Движенье песни озарит души кристалл —
нас призовут одною тайной на двоих.

24 марта 2019

Птицей становится птица

С птицами будешь птицей,
с лисами станешь лисом...
Жадный до компромиссов
и до пустых амбиций
с птицей не станет птицей.
Каждый своим струится,
каждый к своим стремится.
Птицей взлетает — птица.

30 июня 2019

Какое счастье быть в Твоих руках

Какое счастье быть в Твоих руках —
как в птичьих лапах верная добыча.
Пернатые летают в тех мирах,
где не охотятся — таков обычай.
Охотник здешний, как и рыболов,
бросает в небо пойманный «улов».

13 января 2018

Твои неправды — хлеб людей неправых...

М. Ц.

Твои неправды — хлеб людей неправых,
я помяну величие твоё.
Нет до сих пор на свете песен равных,
в которых привкус смертный затаён,

но дарит жизни торжество и веру
обычными скоплениями букв,
не признавая в этом полумеры,
беря в кольцо всегда крылатых рук.

Слова крылаты ранами сердечными,
они — как дети, от всего зависят;
слова избиты сплетнями беспечными,
но песни вечные их всё равно превысят.

Твой голос щедр, он россыпями звёздными
питает небо — даже после смерти.
Слова твои для многих стали гнёздами,
в них птицами живут — слух не инертен.

26 августа 2019

Мои слова не знают суеты...

Мои слова не знают суеты,
молчанье говорит во мне словами.
Я слышу в них мечтание святых,
и вижу свет у них над головами.
Потерянный найдёт своё крыло —
две радуги мне только что сказали:
творение Творца приобрело,
и вертикальное сойдёт в горизонтали.
Дорога в свет — сошествие основ,
плоды встречают корневище рая.
Мир не взыскует принятых даров,
хоть каждый встречный жаждой измеряем.
Обещанное чудом может быть —
ответ небес всегда парадоксален.
Смиряют небом неземную прыть:
зов, как слова внутри, ортодоксален.

7 апреля 2018

Как ласточка

Взлетая, падаю и падая, взлетаю —
таков закон, придуманный не нами.
Дорога — словно лестница витая,
пропитанная мужеством и снами.

Как ласточка*, в падении взлетаю,
как облачко дождливое, рыдаю.
В падении под небом вырастаю
и постигаю сердцем свою стаю.

Нет способа удачней стать другим,
чем покаяние: слезой взлетаю,
чтоб стать святому другом дорогим —
витая лестница к другому кольцевая.

Как ласточка, в падении взлетаю,
как облачко дождливое, рыдаю.
В падении под небом вырастаю
и обретаю сердцем свою стаю.

27 мая 2019

* Символом человеческой души для греков стала ласточка, которая взлетает, падая.

Дай же, Господи, моей печали...

Дай же, Господи, моей печали
милость разглядеть Тебя в другом.
Жест приязни детской изначален —
он взыскует небо в дорогом.

Горький вкус — уже почти солёный —
я привыкла, что любовь горчит.
Пусть молчит ничем не изумлённый
вздых заботы — горем нарочит.

У меня беспечности навалом —
я смогу лететь и за двоих.
Два крыла двоим не будет мало,
раз уж нам хватало рук Твоих.

20 февраля 2019

Сорняк

Радмиле Матрениной

Ах, этот глянец! Ну, его к чертям!
Вот пишет девушка, что ей сорняк дороже,
чем роза: на сорняк вся жизнь похожа —
не задавить её, не вырвать, не убить.
Не розой ведь на свете этом жить —
морозы грянут (люди — что морозы,
они уверенной рукой карают розы).

15 апреля 2019

По тонкому льду...

По тонкому льду никогда не прощающих лиц
лучом пролегла улыбка ничейных надежд:
не лица, а стражи скучнейших бездушных темниц.
Подобия душ — творения сердца невежд.

Их скованный жест ужасен своей полнотой,
в нём тёмные воды, которые света не ждут.
Но если, как зонт, растянется миг золотой
и зов пригласит достойных на таинство утр,

они побегут. Устроят вселенский забег,
желая во всём схватить полумеру — не суть.
Застенчивый голос сомнительно-странных омег
не может указывать гибнущим альфам их путь.

По тонкому льду никого не жалеющих лиц
лучом пролегла улыбка уставших надежд.
Над миром кружит беспечная стайка зарниц,
манящая тех, кто милостью утренней свеж.

14 апреля 2019

Другая

Я разучилась быть не тем, что есть,
но каждый давит: «Будь другой, не этой!».
Нужна, как воздух, здешним только лесть,
мне если песней быть, то ими спетой.

Нас разлучила света полоса:
теперь я там, где солнце не садится.
Слова мои согреют небеса,
а голос разнесут по миру птицы.

Я разучилась быть не тем, что есть,
отныне я не ваша, я — другая.
Звучит во мне надежды вышней песнь,
пути мои от лжи оберегая.

8 апреля 2019

Распадается мир на куски — без меня...

Распадается мир на куски — без меня,
отпадают всё новые лишние части.
Ничего не давай этим серым тням,
этот морок давно свет взыскующий застит.

Дальний берег плывёт лучше всех кораблей —
не осматривай пристань, не думай о суше!
Первый утренний звук несравнимо круглей,
он всегда на виду: не думай, а слушай!

Море солнечных сред омывает пространство,
золотых маяков не искали и прежде.
По сердечным горам свежим воздухом странствуй —
в новой стае лети как в новой одежде.

31 марта 2019

Неверный шаг и верная душа

Прозрачно-синим мажет воздух день —
такое утро нравится туманам —
на лоб ложится свежей мысли тень,
глядеть на мир с утра едва ль гуманно.

Откуда спящим знать ничейный сон?
Кому далась возвышенная драма,
тот серый ворон средь других ворон.
Забывчив он, не торжествует прямо.

Неверный шаг и верная душа —
обычное пустынь переплетение,
пока другое судьбам не внушат,
боясь, как катастрофы выпрямления.

18 марта 2019

Там, где ты говоришь, слова беззастенчиво лгут...

Там, где ты говоришь, слова беззастенчиво лгут —
мне не стыдно смотреть в направлении дальнего зова.
Смысла нет тосковать среди здешних рассеянных груд,
если каждый рассвет обманными правдами скован.

Лучше вдаль, в никуда... Лучше в раннюю
радость уткнусь:
слишком громки следы — они для кого-то остались.
Я не стану глядеть. Дороги, как веки, сомкну
и укроюсь в путях, которые домом казались.

9 марта 2019

Слишком вечно

М. Ц.

Слишком близко, вглубь, насквозь и вечно —
ни за что не станут принимать,
хоть тебе в дороге каждый встречный
дорог будто сын твой или мать.

Отодвинуться не в силах, верю:
близость ближнего — таланта ноша.
Слишком распахнула свои двери —
каждым в небо сердца камень брошен.

Ты — гора: горчишь на небосклоне,
и горюешь горлицей среди горя.
Пеной бьёшься — берег непреклонен —
и свободой наполнишься как море.

6 марта 2019

Меньше, чем мало

Меньше, чем мало — искусство судьбы и причина
жить, не живя в полудрёме уставшего дома.
Жить не живя — это словно болезнь или кома,
если не видеть начало другого почина.

Меньше, чем мало — но где-то иное сбылось:
руки хранят напряжение первопричины.
Странное чувство: ты сам себе будто бы гость
и пустота, где послушливы все величины.

Меньше, чем мало — ведь больше не надо, пойми!
Всюду следы в направлении главного хода —
правда дорог, в небесах — узелки на помин,
если забудешь случайно зачем себя отдал.

3 марта 2019

Океан — в игольное ушко, возможно ли?

Океан — в игольное ушко, возможно ли?
Это больше похоже на «нет», чем на «да».
По капле, по капле... — рассекая себя,
расчлняя своё единство и радость,
и не распадаясь? Только целое может.
Целое — суть океана,
но как долго сочиться он будет
сквозь узкую щёлку иглы!
Океану никто не поможет
напор свой держать,
чтобы ушко иглы не сломалось.
Дверь — в игле, осторожно
с иглой, океан! Дни — лишь капли твои,
но куда ты сквозь щель убегаешь?

15 февраля 2019

Время — чей-то забор...

Время — чей-то забор.
Нажиму не поддаётся,
если надавит вор:
время — не продаётся.
Скорость его пути
кажется откровением.
Здесь ощущение,
стынет стихотворением
отзвук страстного сна.
Дикая тайна прячется —
комната ей тесна,
в прошлом она не значит.
Вечное отворив,
встанут шаги продрогшие —
радужный перелив
скроет часы истёкшие.

10 февраля 2019

Забываю слова — пусть они не забудут меня...

Забываю слова — пусть они не забудут меня:
где-то встретимся вскоре, узнаем, надеюсь, друг друга.
Не ищи никого среди свет продающих меня —
их рождает как сон судьбы постаревшей округа.

Где живу — не живут, лишь дорог торжествующий след
говорит о былом, которое тенью стучалось.
Время сказки свои сложило, как старенький плед,
и плетётся за мной, хоть раньше ведущим казалось.

12 апреля 2019

С неё рисовать бы ангелов, да ныне рисуют идолов...

Е. Р.

С неё рисовать бы ангелов, да ныне рисуют идолов —
невинная песнь-радуга прискорбную мысль выдала.
И множатся лица скорбные, за ними толпят здешние,
она же была горлицей, искала во всём вешнее.

Зима напоззла тёмная на лики весны светлые —
убили тоску вышнюю, отправились в путь ветренный.
Судьба — на груди, бантиком, но в душу глядит петлею.
Голубка моя вешняя, не стань никому клеткою.

16 февраля 2019

Солнце без пяти

Ворон обсмеял меня в пути:
время было — Солнце без пяти.

Ворон сам не знал ни дня, ни ночи,
просто голову шальным морочил:
время было — Солнце без пяти.

Сорок лет как я уже в пути.
Изменилась? Моисей глядит...

Локон солнечный в судьбу впряди
мойре старой — пусть добрее станет
и прядёт побольше светлых тканей.

Время стынет — Солнце без пяти:
есть минутки, чтобы доцвести.

7 февраля 2019

Я видела бога забившимся в угол...

Я видела бога забившимся в угол,
как малая пташка, как жалкий птенец.
Он в комнате детской рыдал среди пугал —
и в ужасе вторил: «Отец мой! Отец!»

Ведь маленький мальчик для глупого — мелок,
и всякому глупому радостна драка.
Не богом, так боком — обычное дело:
не знает никто направлений и знаков.

Там плакал ребёнок... Утешенный свыше
он всхлипывал реже и меньше дрожал;
и губы молитву шептали всё тише —
небесную птицу к себе он прижал.

Пусть синяя птица — обычная сказка —
богам на забаву придумана небом.
Волшебною песнью ребёнок обласкан,
и стала реальностью звёздная небыль.

3 февраля 2019

Она

В какой-то день, заведомо ненастный,
придёт она и спросит невзначай:
Зачем ты жил? Была ль звезда напрасной?
Кому послать остывшее «Прощай!»?

Не слёзы — дождь — покажется знакомым,
до боли близким, словно давний друг.
И жизни прожитой беспечные разломы
сплетутся в косы — миг замкнётся в круг.

Взмахнёт крылом забытое благое,
потащит в дом, который стал твоим —
и жизнь начнёт хлебать своё запоем,
и ты узнаешь, кем закон храним.

Там все беседы встанут в строй, как боги,
заголосят, как бабы, жизни дни —
и ты увидишь царские чертоги,
и пережившие деревья правды пни.

Глаза закроешь — а они открыты,
и видишь всё, на что глядеть нельзя:
ты сам теперь — вселенских сил избыток,
ты сам теперь — нездешнего стезя.

Молчание сверкнёт знакомым словом,
и ты за ним умчишься навсегда
(став вечного заведомым уловом)
туда, где Бог твой прежде восседал.

30 января 2019

Клеть

Клетка-жизнь и свобода-клетка —
разносортницы наглой метка.
Разве в клетке летают люди?
Значит, в клетке мы птиц забудем?

Знаешь, прутья уже не те —
не подвержены высоте.
Всё лежат и лежат —
жужжат:
человек меж низов зажат.

Мы, устроив судьбу в клеть,
вмиг поверим не в песнь — в плеть.

И забудется сон-явь,
и отнимется синь-плавь.

Даже рыбой не стать — вглубь
разрастается лишь глупь.

29 января 2019

Всептичье

Ты повёрнута ко мне не тем ребром —
не услышишь, не поймёшь ни слова.
Снова подступаешь не с добром:
слух твой вечный эгоизмом сломан.

Атакуя душу, как врага,
зря зовёшь меня при этом другом —
врёшь себе, что даришь дом богам,
если птичий сад тобой испуган.

Я — не я, во мне давно лишь птицы:
небеса поют тебе всегда,
только ложное земли боится
странного всептичьего следа.

Дать тебе могу, увы, лишь песню —
ты ж её отправишь в каземат!? —
а ведь мой сердечный неба вестник
пред тобой ни в чём не виноват.

27 января 2019

От тоски твоей до тоски моей

От тоски твоей до тоски моей
жизни две пути — может, три.
Каждому крылу свой полёт милей —
долгий шлейф дорог мне прости.
Знаю — далеки наши две слезы,
облаком плыву над землёй.
Незачем тебе внешнего изыск —
выдержи свой взмах неземной.

12 октября 2019

Стихи — для «там» или они для «здесь»?

Стихи — для «там» или они для «здесь»?
Кому пишу, когда слагаю песнь?
Когда теряю — кто её теряет?
Стихи теряя, автор умирает —
и кто же автор? Кто сей персонаж —
лирический герой чужих продаж?
Герой рассказов или повестей?
Он — возгласитель всех благих вестей
или не всех? Кого поёт поэт?
Того, Кого не принял здешний свет.

22 января 2019

Я знаю, сон и явь — одно и то же...

Я знаю, сон и явь — одно и то же,
подай мне знак, что Ты меня простил.
Потерянная радость сердце гложет
и душу разрывает, как тротил.

Я тот, кто умер на чужой дороге,
хочу воскреснуть — дай мне пару строк!
Стою как нищий на чужом пороге
и повторяю: «Да воскреснет Бог!»

Небрежность — грех, я заслужила муку:
куда ж теперь с потерянной душой?
Поддай скорей Твою святую руку
и песенный куплет, хоть небольшой.

22 января 2019

Я скучаю по тебе, мой друг стишок...

Я скучаю по тебе, мой друг стишок.
Ты ушёл — покинул «стадо» пастушок.
Говорил, но так недолго, так полно —
не успела разглядеть я полотно.
Обаял не до конца — недообнял,
приоткрыл лишь тайну счастья,
промелькнул.
Как прохожий у ворот, чуть постоял
и про тайну цвета солнца мне сверкнул.

26 января 2019

Я хочу, чтоб тебе пелось

Елене Бойченко

Я хочу, чтоб тебе пелось,
несмотря на тоску и стужу,
ведь в душе у тебя смелость —
с этой смелостью Бог дружен.

Вот глоточек — дыханье неба
окружит кислородом дочек —
и души твоей жизнь-треба
ощутит, что Господь прочен.

Ночь темна, оттого строки,
как огни на пути — с дрожью,
но струятся с небес токи,
шлют тебе благодать Божью.

31 декабря 2018

Собеседник Серафимов — Серафим...

Игумену Серафиму

Собеседник Серафимов — Серафим*,
он горит, огнём с другими не сравним.
В небе чертит он для путников маршрут —
крылья дарит, ждёт пока крылом взмахнут,
наберут потоки света — и взлетят,
ощутив хранящий сердце Бога взгляд.

20 января 2019

* Древнееврейское слово «сараф» (ивр. שָׂרָפִים, śārāf, множественное число — שָׂרָפִים, śārāfim) имеет несколько значений: пылающий, огненный; змей, летающий змей, змееподобная молния; летающий дракон или грифон, управляемый с земли воздушный змей.

След

Уйди — затухающий свет
не терпит сиянье вблизи.
И тот, кто одеждами ветх,
не любит при свете сквозить.

Будь милостив, сам удались,
но тех, кто замёрз — согревай.
Твоя лучезарная высь
иначе падёт невзначай.

Будь странником, дом не ищи:
не примут ни стены, ни друг.
Ускорил часы часовщик,
раз всё замерзает вокруг.

Тепла, не хватает тепла —
иное не смей предлагать.
Поверхность чужого стекла,
что льда неприступная гладь.

Скользит твоя поступь. И свет
скользит по поверхности душ.
Тепло лишь оставит в них след,
даря себя холоду нужд.

24 декабря 2018

Обман

Оглохла, Господи, — и стала лучше слышать
всё, что не слышат, что не нужно здешним.
Уснула в бодрость, распростившись с внешним,
и утаила в мире то, что мира выше.

Обман настиг забывчивостью пёстрой:
всё знала, слышала, но забывала,
и только Богу руки целовала,
где в них впивался ужас мира острый.

18 ноября 2018

Будь мне другом, — сказал один...

Будь мне другом, — сказал один.
Будь мне грунтом, — сказал другой...

Будь мне богом, — сказал один.
Будь мне рабом, — сказал другой...

Я могу тебя выслушать, — сказал один.
Слушай меня! — сказал другой.

9 ноября 2018

Ни тропочки... Ни листика, ни веточки...

Ни тропочки... Ни листика, ни веточки...

Пути — Господни, а моих уж нет:

ни линии, ни точки, ни сеточки.

Рассвет мне продал утренний билет,

но в мире полумер мой поезд умер,

и мой билет как будто обезумел.

Не совпадают имя и билет —

такой меня, как на билете, нет.

28 октября 2018

Глохнем все мы

*Господи! Ну как же Ты всех слышишь...
Ведь оглохнуть можно...
Сергей Белорусов*

Глохнем все мы — видно, слишком громко
мир кричал за нас и против нас.
Мы теперь того всего обломки,
что когда-нибудь нас вновь создаст.

Господи, а если на молекулы
и обломки эти разберут?
Ты — един, да убежать нам некуда:
вновь хитон Твой негодяи рвут.

Господи, Ты слышишь и безбожников,
и святых? И жертв, и палачей... —
у кого из них теперь в заложниках?
Чей Ты Бог? Иль Ты уже ничей?

Ты от криков глохнешь, но не зовов?
Господи, помилуй и прости!
До сих пор мы, овцы, не готовы
чашу радости Твоей нести.

11 октября 2018

Горсть зерна бросаю в чьё-то небо

Горсть зерна бросаю в чьё-то небо:
— На, дружочек, может на потребу!?

Может зря, да кто ж теперь поймёт:
жизнь идёт в полёт или в помёт.

Страшен мор, но ныне и похуже
могут выдумать житьё досужие.

— Вот тебе, дружочек, мой глоток —
выпей на пороге, хоть чуток.

Сушат небо, сушат землю — злющие,
против них в упор поют поющие.

— Пой, дружочек, слово на потребу —
пусть дурное обратится в небыль.

10 октября 2018

На па́ру с цветком

Я, как тот умирающий, радуюсь каждой травинке,
мне нескучно вдвоём с малым цветиком:

в малом горшке

он живёт свою жизнь, бесконечному друг по-старинке,
и хранит, как пароль, бесконечную песнь в корешке.

Я, как тот умирающий, всё, что есть, понимаю иначе —
мне неведом покой тех, кто верит в себя без причин.
Вознесением в плач я отныне навеки означена,
и на па́ру с цветком мы о главном протяжно молчим.

8 октября 2018

Я — глупая, опять скажу...

Я — глупая, опять скажу.
И вновь, и вновь себя я нахожу глупей,
чем прежде.

Вечно глупый ищет
потерянный свой ум,
и дух в нём ветром свищет
сквозным.

Жилой ли это дом? Живой,
по стенам бьётся вой — людской прибой,
шатая волю, дышащую слухом.

Кто спросит: а была ль в дому старуха?
Была, наверное. Разрухой полон дом,
как счастьем у других.
В мечтах, конечно, в памяти.

Дух вечный глух к тому,
что не бывало пламенем.

Не высечь искру из своей нетьмы,
не выжечь горе чувствами возможными,
ромашками не закидать войны.

И много ль стоят зовам вопреки
движения светов во тьме тревожные?

Взрывной волной добытого в пути
обрушится всё то, что нами было.

6 сентября 2018

Топот листьев по мостовой...

Топот листьев по мостовой.
Догоняют? Нет, просто пляшут
танец жёлтый — уже сухой:
не дождались осенней гуаши.

В пыльном вихре кружит хоровод
незаметную старость природы,
пока пляску не оборвёт
встреча с дворником рыжебородым.

30 августа 2018

Она — как острая игла...

М.Ц.

Она — как острая игла
вонзается
глазами, словом,
силой...

Мертва своею жизнью,
славой и бесславьем,
чужой нежизнью,
гордостью, своей-чужой
любовью...

Пристанище искать
смешно —
не сыщется:
иглы страшатся люди...

29 августа 2018

Путём луча

Елене Бойченко

Путём луча — быстрее стрелы —
сквозь мрак. И напрямик
следы идут — они белы,
к ним судеб блик приник.

Путём луча — залогом утр —
с беспечностью святых
идут сквозь страх, когда замрут
часы дорог витых.

Лучом — на зов, и поперёк
всегда кривых страстей:
свет не догонит тьмы упрёк
как жадность всех мастей.

Путём луча — не за себя,
лучу важней светить:
стрелами солнца ложь дробя,
цвета осуществить.

27 августа 2018

Я ведь тот, кого нет...

Я ведь тот, кого нет,
и даже не тень —
совсем иное...
Свет — мой приоритет,
хоть он — мишень,
как всё живое.
Тьмы открытая пасть
хотела б знать
свою добычу.
Может вскоре напасть
усталость ждать:
исход — обычен.
Но я тот, кого нет,
и я не тень —
совсем иное...
Свет — мой приоритет,
а мрак — мишень:
так луч устроен.

20 августа 2018

У творца один царь...

У творца один царь —
Творец.
Тем он слаб и силён —
ловец
и умов, и сердец.
Певец —
он того, чего нет
гонец.

20 августа 2018

Птицам горсть зерна — скаредный откуп...

Птицам горсть зерна —
скаредный откуп,
так молчанье покупает совесть,
выжить чтобы.
Неизбежен подкуп:
пишем сердцу лживенькую повесть.
А иначе правда нас разрушит,
правда нас поставит на колени.
Легче верить в ложь —
мы в ней радушны —
поколение за поколением.

14 августа 2018

Хромая лошадь

Хромая лошадь, ну и пусть хромая —
зато везёт доспехи для других.
Когда иные гневом громыхают,
она в пути с дарами для глухих.

Неблагодарное над нею вьётся
мошкой и комарами: мол, терпи;
а лошадь, хоть споткнётся — улыбнётся,
и птицей вдруг вспорхнёт среди степи.

Хромая лошадь — всё равно ведь лошадь,
она порой летит быстрее лани.
Когда ж дорога выдастся хорошая,
она и песню может загорланить.

13 августа 2018

Я тебя рисую

Галине Ч.

Я тебя рисую пятнами
цвета, света и любви.
Пишешься невероятными
красками, но в них — живи!

В нарисованное верится
лишь тому, кто рисовал:
пусть получится безделица,
лишь бы сердце не сорвал.

Я тебя рисую искрами,
просвещающими мрак,
как светящимися рисками
отмечают жизни тракт.

10 августа 2018

Человеки. Созерцания и мысли

*Когда я чаял добра, пришло зло;
когда ожидал света, пришла тьма.
(Иов 30; 26)*

Я вижу прорубь с ледяной водой,
где барахтаются люди
замерзающие, беспомощные, одинокие.
Они пытаются выбраться, выползти,
встать на ноги и убежать подальше.
Они брыкаются, размахивая руками и ногами
и при этом топят тонущих,
бьют тонущих по лицу, по шее, по голове...

Другие топчутся вокруг проруби —
такие же беспомощные и одинокие.
Они тоже бьют тонущих, бьют и спасающихся,
если те спасаются сами и если просят о помощи.

Не бьют только сильных, которые сами могут ударить.
Не бьют только бьющих, потому что боятся.
Если боятся...

* * *

Вижу протянутую руку помощи
тонущему,
а в ней записка: «Ты ничтожен!»

Записка падает камнем в сердце тонущего
и сеет злобу. Злоба даёт силу выплыть.
Но рука бросает новый камень
на голову спасаемого: «Смотри, как я велик!»
И снова летят камни: каждый стоящий у проруби
кидает свой.
Тонущий уплывает прочь, ища спасения.
И тогда Бог протягивает ему свою руку,
свободную от камней и записок.

* * *

Вижу избитого разбойниками человека.
Он лежит посреди многолюдной улицы
и каждый, кто мимо проходит, пинает его.
Конечно, избитого проще ударить, чем не ударить.
Ведь он такой неблагоприятный и беспомощный.
Вон, мимо него идут благородные люди:
все им низко кланяются и никто их не бьёт.
Раз этот избит, значит было за что —
на всё воля божия.

* * *

Слышу крик избиваемого человека:
каждый удар сопровождает он рыданием.
— Так возмутительно громко! стыдно слушать.
Видно манерам его плохо учили.
Дама в бархатном платье морщит брезгливо носик
и замолкает.

Собираются люди.
Крик всем мешает спокойно жить и работать.
Крик не красив. Рядом с ним красоваться неловко.

* * *

Иов, гляди, твои друзья так ничего и не поняли!
Или это просто неразумные их потомки глупы
по-прежнему?
Они красуются на фоне чужого страдания.
Они любят себя собой, видя себя непричастными.
Их сердца камнями брошены в ближнего.
И даже если совесть принудит их протянуть
руку помощи,
то не из сострадания, а ради самолюбования.
Иов, восплачь о них к Богу!

17 июня 2011

Боль

Боль велика — прибывает к земле:
пылью лежу и рыдаю навзрыд.
Боже, зачем и за что это мне,
разве судьба моя — горя транзит?

Ток электрический дрожью по телу
мечется: боль атакует опять.
Пыль собирается в тело несмело,
чтобы кого-то собой заслонять.

6 мая 2017

Лицо улыбается лицам

Лицо улыбается лицам,
в которые просто влюбиться,
в которых святыня таится,
хоть с ними легко и сшибиться.

Лицо улыбается лицам,
чтоб доброй улыбкой светиться,
чтоб вечной улыбкой лучиться,
и в этой улыбке случиться.

19 декабря 2018

Белый свет давно уж слишком сер

Анне Т.

Белый свет давно уж слишком сер,
потемнели даже его выси.
Посерел зелёный прежде сквер —
чёрным прорастает судеб высев.

Вороньё не силится белеть,
проще очернить цветное всуе.
Лень глупцам большое повелеть
ненадёжным серых будней струям.

Отрок здешний — всё равно, что сед:
стар с рожденья думами о сером,
он стремится серым в хаос сред,
упиваясь пыльной атмосферой.

Белый свет давно уж слишком стар —
как мертвец, рядящийся пред гробом,
он зачинщик чёрно-серых свар,
среди которых вечный вечно робок.

13 августа 2018

На той горе

На той горе, на той горе,
где ужас посетил меня,
живу я, словно зверь в норе,
священное в себе храня.

На той горе, на той горе,
где ангел Божий ждёт меня,
молюсь всегда, как в алтаре,
и в рост идёт моя броня.

И каждый звук, и каждый взгляд
мне посылают сотни стрел,
за то, что я и рай, и ад
на той горе открыть посмел.

22 июня 2017

Пространство подчиняется стихам

Пространство подчиняется стихам,
и время вечностью мелькает в строчках.
Глядящий звук проходит по штрихам,
даря безмерному рассрочку.

От буквы к слову движется как боль —
ни дать, ни взять. Само пронзает нёбо
ручьём струящееся мимо голых воль —
немых небес словесный веры опыт.

16 октября 2019

Я гляжу на тебя розами...

Татьяне Ширитон

Я гляжу на тебя розами:
так цвести как ты — наслаждение.
Я гляжу на тебя грозами:
всем продрогшим ты — утешение.
Погляжу на тебя ветрами
да тоски немой километрами,
чтоб услышать голос твой: «Элохим»
и остаться эхом надолго с ним.
Вторит голос мой небесам твоим,
наслаждаясь именем «Элохим».

30 июня 2019

Мне нравится быть древней черепахой...

Мне нравится быть древней черепахой
как будто опечаленной не миром,
не буйности бессмысленной размахом,
а долгой жизни тлеющим кумиром.

Мне нравится быть мудрой черепахой,
которая знакома с тайной моря
и, ползая по дну, как будто птаха
летит по небу, с глупыми не споря.

Мне нравится быть кроткой черепахой,
несущей домик по своим дорогам.
Так посетитель скромного монаха,
на келью глядя, нищетой растроган.

10 сентября 2019

Если выбрать внутри...

Если выбрать внутри
точкой стояния вечность,
замереть и глядеть,
мир начнёт помаленьку дряхлеть,
осыпаться, как краска
на долго не крашенной двери.
Штукатурка осыпется с лиц,
обещаний, подарков, надежд.
Всё падёт, если станешь
и будешь глядеть, ничего не прося.
Вдруг упавшее вздрогнет
и взглядом тебя поразит.
О, тогда не гляди на него —
не сумеет простить.

3 ноября 2019

Когда слова, свои утратив смыслы...

*Земля была в них и
они рыли.
П. Целан*

Когда слова, свои утратив смыслы,
сравниваются с землёй, —
словами станем мы.
Иль чернозёмом...
Всё равно — траве,
травы равна сама себе,
и только.
Вонзится боль копьём
в траву и небо,
и в слово, что срослось
с забытым завтра.
Не вспомнить:
не рыдать,
не рыть нам землю,
вонзая пальцы в тело.
Нет, не вспомнить!
Забыто всё,
печаль теряет слёзы.
Утрата эта —
худшее из зол.

8 октября 2012

Раскинула руки

Раскинула руки — мои ведь —
пусть щупают ветры на прочность.
Раскинула сердце — моё ли? —
пусть взыщет Твою непорочность.
Раскинула скорби — как сети:
уловом не всякий доволен.
Тревожные вести, как рыбы —
ловец их глубинным уловлен.

22 января 2017

Теснота

Если сердце зажмут,
как пальцы в дверном проёме —
закричит неуёмность утр,
что мир — огромен:
места хватит для всех.
Безумием страсти тёмен,
грех желает утех
среди тех, чей бог нескромен.
Беззаконные плачут звери:
цветы и песни
не растут в их узкие двери —
бездушно тесные.

22 ноября 2017

Живу — как птицы

Живу — как птицы,
а боюсь — как люди,
что птичьего уже
нигде не будет,
что человечье
превратят в увечье,
а душу — в вывих.
И что песнь овечья
заменится пустой
козлиной речью.

1 марта 2017

Стебелёк

А. Платонову

Дрожит на ветру от любви стебелёк —
он жалостью к ветру согреться не смог:
он жалостью к миру и жив, и распят,
и тем тормозится вселенной распад.

4 декабря 2016

«Словесный бисер»
Афоризмы

Человек похож на скворечник — он обретает свой подлинный смысл, лишь когда в нём поселится птица.

* * *

Нужно кормить своих птичек, но их можно кормить, только кормя чужих.

* * *

Человек таков, каковы живущие в нём смыслы. Человек, живёт смыслами, которые в нём живут: если эти смыслы слишком примитивны, человек тоже примитивен. Чтобы внутренний объём человека разрастался, надо жить большими смыслами — они расширят и углубят внутренний мир человека. Потому полезно читать мыслителей — с ними проще расти изнутри.

Обрезая высокие смыслы, человека можно лишить всего человеческого в нём.

* * *

Другой человек для нас — это окошко к Богу, выход из собственной стеклянной замкнутости. Прежде, чем найти окно к Богу, каждый из нас должен открыться человеку, точнее — Богом в себе открыться Богу в другом человеке. Богом в себе мы должны опознать Бога в другом. Быть узванным в Боге — это и значит быть любимым. Так действует Христос в нас — делая нас богами друг для друга.

* * *

Любим мы подлинного, глубинного человека (подлинным в себе — если любовь настоящая, неизбывная), а ругаемся с ситуативным, поверхностным. Если наше поверхностное нападёт (подлинное никогда не нападет) на чужое подлинное как на ситуативное, то страшно

согрешит. Так бывает, когда другой — подлинный, а я сам ситуативный. Принимая свои грёзы за истину, наше поверхностное обычно приписывает свои собственные грехи другому, потому удобнее всего диагностировать себя по своим же претензиям к другому.

* * *

Убить человека — это вынуть из него поэзию, и тогда он выпадет из Поэзии, тогда человек-песня, человек-поэзия превратится в антипоэзию, антипесню (сначала в смысле «вместо», и почти сразу после этого в смысле «против»). Вынуть из человека поэзию — это вынуть сердце, и тогда человек выпадет из Сердца. Человек, из которого вынули сердце, уже не человек, а биологический автомат, робот, а роботу нужны инструкции, а не поэзия.

* * *

Каждый человек — текст, который призван стать песней (воплощая в жизнь песню своего сердца). В чём разница? Наверное можно сказать так: текст — это набор букв, слов, фраз в произвольном порядке, они были до человека и будут после него. А песня — это его внутренняя суть, звучащая посредством тех же слов, но передающая личное звучание. Текст как бы нельзя запатентовать — он общий, а песня как бы получает личный патент у Бога. Почему у Бога? Потому что песню даёт Бог, наш внутренний человек поёт, только пребывая в Боге.

* * *

Три бытийных состояния человека: текст, песня, антипесня. Антипесня убивает, как песня животворит.

Каждый человек может быть тем, другим и третьим. Текстом он становится трудами других (рождается текстом), всё — текст и все — текст. Песней он становится в Боге и с Богом. А антипесней — когда сражается против песни другого.

Христос — Песня, Антихрист — Антипесня.

* * *

Люди спорят о сути вещей, придавая большее значение своим мнениям о ней, нежели самой сути.

* * *

У человека молчание — своё, а не говорение. Разница между авторами — в принимающем молчании, а всё, что подлинно в говорении — от Бога, а не от человека. Говорение-молчание — это своё слово, в которое надо включиться, к которому надо приобщиться, как Слову Бога. Молчание — это наше вопрошание, наш вопрос к Богу, и на этот конкретный вопрос Он отвечает. В ответ на вопрошание молчанием Он говорит в нас, а не нам. Нам Он говорит в ответ на наше говорение.

* * *

Человек никогда не был настолько неприроден и бесчеловечен, как сегодня. Не мерзавец и бандит, а обычный, нормальный человек стал страшен и не видит этого в себе. Человек заблудился, потерялся в своих ошибочных представлениях.

Общая конструкция, которая и приведёт в царство Антихриста, во многом уже построена и работает в людях. Это — система, а системное воздействует на частное, личное. Вписанные в систему люди уподобляются ей.

Даже хорошие люди, встроенные в нехорошие социальные отношения, лишаются возможности быть хорошими и, по мере своего функционирования в недоброй системе, перестают быть хорошими, втягиваясь в нехорошесть посредством системного взаимодействия с другими внутри системы. Люди пока есть, конечно, как исключение, но в них надо ещё включить режим человечности. Если не включить, человек не появится, отношения пройдут по обычной теперь схеме, в которой человечность неприлично избыточна.

* * *

Безкультурность, бескультурность и внекультурность — тоже разновидности культуры. Человек — это культурное животное, способное изменять, развивать свою природу культурными актами. Развивать в любую сторону — не обязательно полезную для себя. Именно поэтому дружба другого в человеках несравнимо больше разнится, чем у животных — человек посредством культуры изменяет свою природу. Каждый индивид — своя культура.

* * *

Само слово «обесчеловечивание» свидетельствует о выходе за пределы человечности. Стоит увидеть обесчеловечивание именно как процесс (и акт) выхода из своей природы — посредством культурного приобщения к чуждому.

* * *

В человеке остаётся действующим только то, что в нём работает, чем он пользуется в своей жизни, что в

нём актуализировано. Не действующее — т.е. ненужное — отваливается: хвост это, совесть или душа в данном случае неважно (принцип экономии энергии срабатывает). Если человек перестаёт слушаться голоса совести — это значит он утратил в ней необходимость, совесть в нём умолкает. То же самое следует понимать и о душе: если человек перестанет ею пользоваться, программа по имени душа свернётся и перестанет функционировать. Останется лишь та её часть, которая обеспечивает жизнь тела и только в той мере, которая будет бытийно актуализирована.

* * *

Человек — не фабрика по производству добрых дел, к нему нельзя относиться утилитарно. Человек — не средство для получения того или иного добра, он сам — цель.

* * *

Ложное «мы», в которое я верю, создаёт ложное «я».

* * *

Дары даются не за что-то, а ради чего-то, потому человек не является собственником своего дара.

* * *

Мир стоит, пока существуют чудаки. Когда останутся только умники — мир рухнет.

* * *

Любую проблему можно решить, используя принцип «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди» (Мтф. 18:20), т.е. если проблемы не решаются, значит мы не собираемся их решать во имя Его, а хотим решить во имя своё (если вообще хотим решить,

а не предпочитаем ничего не видеть и не слышать). Или же попросту каждый находится на своей волне и думает лишь о себе и своём, теряя из виду другого.

* * *

Чистые люди чужие лица не пачкают.

* * *

«Из какого сора» растут не только стихи, но и люди... Растут и вырастают.

Растёт в нас Бог, и мы растём Им и в Него — из своего ветхого «сора», из «сора» обыденности и «мёртвой жизни» автоматизмов. Постчеловек развернётся и будет расти в обратном направлении — в сор, потому и перестанет быть человеком. Человек — это тот, кто растёт «из сора» в Поэзию.

* * *

Человек — не функция, а бытие.

* * *

Бытие — это диалог.

* * *

Человек — это преодоление небытия.

* * *

Подвижность природы человека вменяет ему в обязанность стремиться выше себя, чтобы быть собой. А стремление стать животинкой приведёт человека в состояние ниже скотского, т.е. когда кот, собака, обезьяна и пр. звери окажутся более нравственными и более человеческими.

* * *

Со всех сторон человека зажали и давят, но не затем, чтобы, как советовал Чехов, выдавливать раба.

Наоборот, выдавливают человека, раба же оставляют и даже развивают. Как писал Платонов в «Котловане», «Некуда жить, вот и думаешь в голову». У нас скоро одна голова для жизни только и останется, и то — повреждённая. Сердца — не будет.

* * *

Культура (всё по-настоящему ценное в ней) похожа на нераспустившийся цветок, который распускается внутри человека, но не в каждом и только при наличии некоторых внутренних условий. Одно из главных условий — бескорыстная жажда истины, любовь к прекрасному. Цветок нельзя заставить силой распуститься, можно его только сломать силой, повыдёргивать лепестки. Можно возненавидеть его, за то, что не подчиняется мне и не раскрывается по моему требованию. Цветок распускается внутри человека сам как награда за чуткое вслушивание и всматривание, награда за верность и преданность цветку, которая возможна лишь при самоотвержении.

* * *

Вся суть человеческой природы в словах «что отдал, то твоё». Человек — пуст, он усваивает лишь отдавая, потому что то, что сумел отдать — только и есть усвоенное, а всё по-настоящему усвоенное стремится быть отданным.

* * *

Какова реальность, в которой мы живём? Реальностей много, побеждает в итоге та, носители которой наиболее активны.

Лучше плохо делать, чем хорошо не делать. Усилие, рывок, стремление — тоже вклад.

Мы становимся тем, что делаем. Мир становится тем, что мы делаем.

* * *

И рай, и ад — в нас, что выберет человек своей реальностью, то и создаёт. Выбравший Бога, творит Его волю, а она в том, чтобы любить ближнего, как самого себя — т.е. осуществлять ближнего как рай, а не как ад.

* * *

Пока человек не вырос, он думает, что истина ему дана для того, чтобы бить ею других (тех, у кого не так, иначе, по-другому — не в соответствии с его истиной). А когда вырастет, начинает понимать, что истина ему дана для того, чтобы видеть ею другого, видеть её в другом, всматриваться, вслушиваться в другого и любить его — истиной.

* * *

Сознание — это Божий интернет.

* * *

Русская философия мне напоминает черепаху Зенона, которая впереди Ахиллеса только потому, что ищет не дробное знание, а целое — т. е. Сердце.

* * *

Человеческие глупость, злоба и подлость любят рядиться в одежды мировоззрений, но опытный глаз сразу видит их наготу — отсутствие мысли.

* * *

Мышление требует скромности.

* * *

Любить ближнего — это значит быть пространством его становления в Боге.

* * *

Все ищут места себе в другом, но мало кто ищет место другому в себе, мало кто готовит себя для другого.

* * *

Солнцем становится только тот, кто любит солнце больше, чем себя.

* * *

Самость любит себя и понимает других, говорящих на языке самости. Она живёт в душе, как змея и говорит другим змеям, живущим в других людях: ублажите меня — и я вас ублажу. И если кто не ублажит, того змея ужалит.

* * *

Всё, что мы можем — принять Христа. В этом величие и сила человека. Остальное — ничто, всё наше — ничто и даже хуже: змея в шоколаде.

* * *

Единственный способ светить другим — светиться навстречу Свету.

* * *

Поэзия — это прыжок через бездну человеческой ограниченности.

Поэтический метод познания — это узнавание вещей не извне, а изнутри.

* * *

Я есть не то, что думаю о себе и не то, что думает обо мне другой. Я есть то, что реально даю другому.

* * *

Раб стремится поработить (такова его природа), свободный стремится освободить.

* * *

Чужой правильный ответ без правильно поставленного своего вопроса — это неправильный ответ, несмотря на внешнюю правду.

* * *

Только впустив в сердце кого-то другого, можно войти и самому. Потому сказано: кто говорит, что любит Бога, а ближнего своего ненавидит, тот — лжец.

* * *

Ставить себя под вопрос снова и снова, быть способным жить под прицелом этого вопроса всегда — это мука мудрых, которая суть счастье, а не мука. Видеть и знать себя нищим, при этом владеть богатством — вот путь, по которому приходит богатство мудрых. И это богатство Бога, единственно настоящее богатство, за которым есть смысл охотиться.

Почему такая постановка себя под вопрос приводит не к деконструкции личности, а, наоборот, к созиданию себя подлинного? Это один из главных вопросов современности, которая деконструирует всё ради поиска подлинности. Ответ на этот вопрос — рецепт спасения человека.

* * *

Смысл — это жизнь С МЫСЛЬЮ.

* * *

Если мы — чётки, то Христос в нас — нить, на которую надеты бусинки.

* * *

Мышление — это приобщение к Одной Большой Мысли сразу обо всём.

* * *

Мысль — поют в сердце (мышление), и только из личного опыта её можно спеть. Дискретность мысль обретает посредством слов — так она усваивается (присваивается — по частям) человеческим умом, но сама она — целостна, непрерывна, как поэзия (всё и сразу). «Всё нерасказанное — непрерывно», — сказала Цветаева. «Мышление обще у всех», — говорит Гераклит.

* * *

Человечество разделено потоками устремлений.

* * *

Поэзия — свойство не только слова, языка, поэзия — свойство бытия. Посредством поэзии, в процессе поэзии мы общаемся с Бытием или, наоборот, Бытие общается с нами. С нами или со мной? Со мной — как с нами, но и со мной лично. Я в своём пределе едино с мы.

Поэзия — диалог, как и мышление. Поэзия принадлежит Слову, это беседа в Слове.

* * *

Поэтическая претензия к собеседнику: будь подлинным! Иначе нельзя беседовать с поэтом, чем пребывая в своей подлинности. И поэт иначе не может поговорить с другим, чем на территории подлинного. Отсюда растёт проблема Цветаевой, которая не умела быть не поэтом.

* * *

В Луче, откликаясь на Зов, мы рождаем свою лученосную Песню.

* * *

А что же такое Песня в таком случае, Песня сердца? Когда оно поёт? Сердце поёт, когда Я реальное встречается с Я идеальным — они поют вдвоём.

* * *

Мудрость не в книгах, а в Луче, которым пишут и читают настоящие книги. Приобщившийся к Лучу — мудр, а не приобщившийся — глуп.

* * *

Если Луч направить на козу, она заговорит. Если Луч направить на камень, и он заговорит. Говорение — в Луче, а не в предмете; в Луче, а не во мне.

* * *

Чтобы начать говорить, надо перестать болтать. Но как только соберёшься говорить, непременно начнёшь болтать. Говорение — это молчание.

Постчеловек будет всецело погружен в болтовню, прикован к болтовне и лишён Песни сердца (молчания).

* * *

Любить другого и любить другого в себе — не одно и то же. Закрытость перед инаковостью другого — это запрет своего развития в ином. Через инаковость другого можно стать шире, больше и счастливее. Или, наоборот, уподобиться палачу, казня и другого, и себя.

* * *

Судьба исторического Христа — Икона судьбы Христа социального, привычно именуемого в нашей традиции Всечеловеком.

* * *

Если надо — возьми жизнь ягоды, претвори её жизнь в свою жизнь, но не глумись над её жизнью...

* * *

Бог выходит навстречу первым и приходит к человеку раньше, чем человек приходит к себе. Бог ближе к нам, чем мы сами к себе.

* * *

Дружба — поиск Песни сердца другого (петь навстречу), вызывание своей Песней Песни другого. Это бережное внимание к Песне другого. Светящийся шар на картине Чюрлёниса «Дружба» — и есть Песня. Её принимают или передают — всё это пение Одной Песни.

* * *

Убить прекрасное можно, а победить нельзя. Если нас побеждают, значит, мы перестали быть прекрасными...

* * *

Христианин — это не человек своей толпы, своей тусовки, а Христов человек.

* * *

Хула на Духа (Мф. 12:31) — это выбор противного Ему в Его присутствии.

* * *

Самостные структуры людей жёсткие, пружинистые, потому общение наше тоже пружинистое, отпористое.

Общаясь, мы бьём друг друга и/или держим удар. И крайне редко случается другое общение — желаемое, настоящее, тёплое и мягкое, как солнечный лучик. Так встречает нас Христос и все Христовы. Луч посреди пружин... Он не давит, не предъявляет претензий, а светит.

* * *

«Надо подумать» — это о чём? О том, что надо пожить с той или иной мыслью в свете Луча. Акт мышления по сути своей схож с совестным актом, он осуществляется одним и тем же методом обращения к Лучу. Мы думаем — совестью.

* * *

Настоящая мысль не думается, а живётся.

* * *

Надо искать правду, возвышающую человека, а не принижаящую. Подлинная правда возвышает.

* * *

Что ты делаешь другому, тем ты и становишься.

* * *

Мыслящий мыслит всегда, как молящийся всегда молится.

* * *

Человек становится человеком только в контексте вечности.

*Светлана Коппел-Ковтун.
Дневники*

Содержание

«Светлана Коппел-Ковтун: Точка стояния — вечность». Интервью с автором.....	3
«Ворованный воздух». Эссе.....	13
Я и не Я, или Душа — не мера, а избыток.....	15
Человек как ландшафт, по которому течёт Мысль.....	24
Мурмурация, «вывих» мира, живые обрубки осьминога и нанотехнологии.....	29
Встречи и не встречи, или Недопустимо приговаривать другого к небытию.....	39
О Блоке. Так выглядит поэтическое сораспятие Христу.....	49
Страшный Суд в том, что мы встретимся с Тем, Кто взывать будет к нам истиной.....	55
Доброта — не добро, доброту ещё надо конвертировать в добро.....	60
Мир требует, чтобы человек встал на животные рельсы игры в доминантность.....	70
Время души.....	74

Земля и небо. Об одном заблуждении.....	78
За стеклом.....	82
Ворованный воздух.....	86
Дорости до Песни, или Истина не для того, чтобы ею бить.....	90
Два метода — два ума.....	97
Поэзия — самая точная вещь на свете.....	103
«Человеки». Стихи.....	113
Неподъёмное слово.....	115
И Тебе среди нас одиноко, Господи.....	116
Большое сердце.....	117
Человека никому не надо.....	118
Расслоились на касты и думаем «вот заживём!».....	119
Примерьте слово — вдруг и вам к лицу?.....	120
Листья обрывает ветер злобно.....	121
Имена вещей — святы.....	122
Имя, пущенное по рукам.....	123
Океан — океану.....	124
Когда приходят те, кто лучше нас.....	125
Прожектор или луч?.....	126
Вороньё.....	127
Подставив ладошку, как сердце.....	128
Шар и круг.....	129
Молнию обидели.....	130
Солнце-лейка поливает город.....	130
Твоё сегодня.....	131

Я не тот, кто уходит, а тот, кто всегда остаётся.....	132
И вам бы хотелось, чтоб я поднимала горошины.....	133
Короткостишия.....	134
Обратный ход.....	138
Это правда, которая знает себя и границы.....	139
Собери в ладошку слёзы и грёзы.....	139
Они сказали: «Нет!», а ты сказала: «Да!».....	140
Души жёсткие, как щетина вепря.....	140
Когда устали руки ненавидеть.....	141
По кругу.....	142
Мир висит на живых гвоздях.....	142
Я примерила эти крылья.....	143
Я не погасну, а зайду за горизонт.....	144
Птицей становится птица.....	145
Какое счастье быть в Твоих руках	145
Твои неправды — хлеб людей неправых.....	146
Мои слова не знают суеты.....	147
Как ласточка.....	148
Дай же, Господи, моей печали.....	149
Сорняк.....	150
По тонкому льду.....	151
Другая.....	152
Распадается мир на куски — без меня.....	153
Не по поверхностям скользи.....	154
Неверный шаг и верная душа.....	155
Крик.....	156

Там, где ты говоришь, слова беззастенчиво лгут.....	157
Слишком вечно.....	158
Меньше, чем мало.....	159
Океан — в игольное ушко, возможно ли?.....	160
Время — чей-то забор.....	161
Забываю слова — пусть они не забудут меня.....	162
С неё рисовать бы ангелов, да ныне рисуют идолов.....	163
Солнце без пяти.....	164
Я видела бога забившимся в угол.....	165
Она.....	166
Клеть.....	167
Всептичье.....	168
От тоски твоей до тоски моей.....	169
Стихи — для «там» или они для «здесь»?.....	169
Я знаю, сон и явь — одно и то же.....	170
Я скучаю по тебе, мой друг стишок.....	171
Я хочу, чтоб тебе пелось.....	172
Собеседник Серафимов — Серафим.....	173
След.....	174
Обман.....	175
Будь мне другом, — сказал один.....	175
Ни тропочки... Ни листика, ни веточки... ..	176
Глохнем все мы	177
Горсть зерна бросаю в чьё-то небо.....	178
На пару с цветком.....	179
Я — глупая, опять скажу.....	180

Топот листьев по мостовой.....	181
Она — как острая игла.....	182
Путём луча.....	183
Я ведь тот, кого нет.....	184
У творца один царь.....	185
Птицам горсть зерна — скаредный откуп.....	185
Хромая лошадь.....	186
Я тебя рисую.....	187
Человеки. Созерцания и мысли.....	188
Боль.....	191
Лицо улыбается лицам.....	191
Белый свет давно уж слишком сер.....	192
На той горе.....	193
Пространство подчиняется стихам.....	194
Я гляжу на тебя розами.....	195
Мне нравится быть древней черепахой.....	196
Если выбрать внутри.....	197
Когда слова, свои утратив смыслы.....	198
Раскинула руки.....	199
Теснота.....	199
Живу — как птицы.....	200
Стебелёк.....	200
«Словесный бисер». Афоризмы.....	201
Содержание.....	217

Коппел-Ковтун Светлана Анатольевна
«Человеки»

Сайт автора:
www.koppel.pro

Email:
omiliya@yandex.ru

Дизайн и оформление
Андрей Ковтун
Светлана Коппел-Ковтун

Вёрстка
Андрей Ковтун

*Оригинал-макет подготовлен
при использовании свободного программного
обеспечения на платформе Linux*

